

Добрая самаритянка

Автор:

[Джон Маррс](#)

Добрая самаритянка

Джон Маррс

Альфа-триллер

...Они в смертельном отчаянии. Звонят на телефон доверия «Больше некуда», потому что действительно больше некуда обратиться. Им нужен лучик надежды. Но если не повезет, на том конце линии окажется Лора Моррис. Которая не желает, чтобы они надеялись. Лора хочет, чтобы они лишили себя жизни. Жаждет услышать по телефону их последний вздох...

И уверена, что легко уйдет от ответственности – все продумано до мелочей. Но очередной обработанный «клиент» по имени Стивен просит Лору не просто слушать его смерть, а лично присутствовать при ней. Предвкушая чудесные мгновения, Моррис не знает, чем это обернется. Как и Стивен, не представляющий на что способна параноидальная «добрая самаритянка», у которой отняли любимую игрушку – наслаждение прощальным мигом другого человека...

Джон Маррс

Добрая самаритянка

Служение другим – плата за проживание на земле.

Мухаммед Али

Если ищешь мести, рой две могилы – одну для себя.

Дуглас Хортон

John Marrs

THE GOOD SAMARITAN

Text copyright © 2017 by John Marrs. All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

– Где вы? – негромко сказала я в трубку спокойным, размеренным тоном.

– Мое такси только что остановилось на парковке, и я пытаюсь избавиться от наличной мелочи.

– Зачем? – спросила я.

– Затем, что мне она не нужна.

– Понятно. – Я возвела глаза к потолку. Это казалось напрасной тратой времени, и меня тревожило то, что все может обернуться тактикой проволочек. Но давить

на него нельзя. – Делайте то, что считаете нужным, и помните: я с вами на протяжении всего пути.

Я услышала, как он что-то пробубнил водителю, потом вылез и захлопнул за собой дверь. Предположила, что на улице идет легкий дождь, потому что, до того как такси отъехало прочь, каждые несколько секунд слышала скрип «дворников», стирающих воду с лобового стекла.

– Как у нас дела? – спросила я, намеренно использовав оборот «у нас», а не «у вас», дабы подчеркнуть, что мы участвуем вместе – если не в материальном смысле, то хотя бы в духовном. Место выбирала не я, потому гадала, не передумает ли он, увидев, какая там высота. В таких случаях мне приходилось смиряться с решением клиента. Требовалось время, чтобы добиться нужного настроения, но теперь, когда удалось, я хотела, чтобы он сохранял настрой до конца. И я изо всех сил старалась напомнить ему, почему он там и как далеко мы зашли.

Он словно прочитал мои мысли.

– Не волнуйтесь, я не склонен менять решения.

Я с облегчением вздохнула.

– Это правда, – продолжил он. – Я в нужном месте и готов. Теперь, когда я здесь и вижу, что передо мной, на сто десять процентов уверен, что собираюсь поступить правильно.

Я верила ему. Не думала, будто он когда-либо лгал мне, потому что у него никогда не было на то причин. Он много раз говорил, что был со мной более честен, чем с кем-либо еще из тех, кого знал, – и я с гордостью выслушивала это.

– Уже видите ее? – спросила я. – Она за рулем красного «Воксхолла Астра», регистрационный номер ви-девять-восемь-семь...

– ...Ти-эйч-джи. Да, она только что помигала мне фарами. Такое ощущение, будто мы в фильме про шпионов и вы дали мне задание передать ей секретные документы. – Он нервно засмеялся, и я притворилась, будто тоже смеюсь.

– Хорошо, давайте я позвоню ей. Пока что оставайтесь на месте. Мы не хотим пугать ее.

Первый звонок встал на удержание, когда я набрала номер. Она ответила после семи гудков – слишком большой промежуток, как мне показалось.

– Здравствуйте, – негромко начала я. – Как у нас дела?

– Не знаю, – ответила она. В ее голосе совершенно не было уверенности. Я сопровождала достаточно людей в подобной ситуации, чтобы различить в словах высокие нотки тревоги. Нужно продвигаться осторожно.

– Рада слышать вас, – успокаивающим тоном произнесла я. – Хорошо ли прошла поездка? Нравится это место?

– Приехала сюда час назад и выпила чашку чая в кафе чуть дальше по дороге. – Еще один красный флажок. У нее было свободное время на раздумья.

– Хотите поговорить еще о чем-нибудь, прежде чем мы приступим? – спросила я.

Она колебалась.

– Мне очень жаль, но теперь, когда я здесь, начинаю думать, что, возможно, поступаю неправильно, – ответила она.

Я скрипнула зубами. Нельзя допустить, чтобы все закончилось вот так. Нужно подкрепить ее мотивацию.

– Это из-за ребенка, верно? – мягко спросила я.

– Да.

– Вы беспокоитесь о том, что принимаете эгоистичное решение?

– Да, – повторила она, на этот раз едва слышно.

Я откинулась на спинку кресла.

– Это совершенно понятно, но вам нужно осознать: так говорите не вы, а ваши гормоны. Они дают ложное ощущение, что у вас есть некие возможности, заставляют думать, будто в конце концов все может быть хорошо, если вы просто выждете какое-то время. Но послушайте человека, у которого есть опыт. Когда ребенок родится, для вас все станет только хуже – намного хуже. Вас станут лечить еще интенсивнее, из-за чего жизнь сделается еще более мутной, чем сейчас. Вы не сможете быть хорошей матерью, а препараты, которые вы принимали, уже сказались на вашем ребенке. Он вырастет точно таким же, как вы, с точно такими же проблемами, с точно такими же страданиями. История повторится. Вы действительно хотите нести ответственность за это? В отличие от вас я ясно вижу ситуацию и знаю: именно так все и произойдет. У вашего ребенка нет ни единого шанса на счастье в этом мире. И в глубине души вы тоже это понимаете, верно?

– Вы правы, – всхлипнула она, уже не пытаясь бороться со слезами.

Я побыла злым копом, теперь снова нужно стать добрым.

– Знаете, я день и ночь думаю обо всех вас, – продолжила я. – Знаю, какой долгий путь вы проделали с тех пор, как нашли меня много недель назад. Горжусь вашей отвагой и силой. Вы ведь это знаете?

– Да, – ответила она, но в голосе не было той убежденности, на которую я надеялась. Пора переключать передачу.

– Я думаю и о вашей семье. Им повезло, что в их жизни есть такой человек, как вы, – такой отзывчивый и такой отважный. Это редкие качества, и я знаю, что сначала подобные вещи трудно понять, но со временем родные начинают осознавать, что вы любили их так сильно, что поставили их нужды превыше собственных. Вы много раз говорили мне, что никогда не станете той женой, что нужна вашему мужу. Но это не ваша вина, а его – в том, что он поставил вас на пьедестал. Это он сделал с вами. Просто продолжайте напоминать себе, ради чего вы вообще искали меня. Вместе мы исследовали каждую тропинку, прежде чем вы решили, что это единственный разумный путь. Вы двигаетесь вперед и позволяете всем, кого вы любите, делать то же самое. И я очень уважаю вас за это.

Я так долго повторяла эти слова, неделю за неделей, разговор за разговором, медленно укрепляя веру в то, что это единственный путь вперед. Однако на него потребовалось меньше труда. С ним не было никакой возможности компромисса. Белое либо черное – и никакого серого. Однажды он сказал мне, что я подобна веревке, вытащившей его из зыбучих песков и поставившей на правильную тропу.

– Вы правы, – всхлипнула она. – Спасибо.

– Ну, хорошо. Что ж, высморкайтесь, сделайте глубокий вдох – и продолжим вместе. Для начала откройте дверь и идите к нему. – Я пыталась вообразить, будто нахожусь там вместе с ними. – Теперь подробно опишите то, что видите перед собой.

– Кажется, это он, ждет меня, – начала она. – Улыбается. А позади него солнце пытается пробиться сквозь тучи. Довольно холодно, но мороза нет.

Я слышала хруст гравия у нее под ногами, стук капель по плечам плаща, крики чаек в небе. Почти чувствовала запах соленого морского воздуха вокруг них. Переключила телефон на его номер.

– Еще раз здравствуйте, – произнесла я. – Она направляется к вам, но тревожится немного сильнее, чем вы. Вы ведь присмотрите за ней, да?

– Конечно, – ответил он таким уверенным тоном, какого я от него никогда не слышала.

Когда они впервые встретились лицом к лицу, я вообразила, как они улыбаются друг другу. Включила сразу оба звонка и услышала приглушенное шуршание ткани о ткань – как будто они обнимались. Я велела ей надеть достаточно просторный плащ, чтобы скрыть беременность. Менее всего мне нужно спугнуть его сейчас, когда мы были так близко к завершению.

Я ощутила, как горит кожа – адреналин растекался по всем шестидесяти тысячам миль кровеносных сосудов, даруя некое подобие эйфории.

«Жди своего часа. Крепко держи себя в руках, потому что слишком многое может пойти не так».

Я вообразила, как они стоят там – абсолютно чужие друг другу люди, которым не нужно говорить, чтобы пообщаться. Они объединены общей целью, и это я свела их вместе. Их жизни будут навечно связаны одна с другой благодаря мне. Я не знала, смеяться мне или плакать.

– Вы оба слышите меня? – спросила я их.

– Да, – в один голос ответили они.

– Если вас по-прежнему все устраивает, я хотела бы остаться с вами так долго, как это возможно. Так что когда будете готовы, сделайте глубокий вдох, потом возьмитесь за руки и начинайте идти. Неважно, как трудно это будет, какими тяжелыми покажутся вам ваши ноги, держитесь друг за друга в поисках поддержки. Не оборачивайтесь и не останавливайтесь. Мы можем сделать это вместе.

– Спасибо, – произнес он. – Спасибо за то, что поняли меня. Вы невероятный человек.

– Рада была помочь, – ответила я. В прошлом, достигая кульминации, я бывала намного сильнее. Но он стал слишком важной частью моей жизни, чтобы не чувствовать боль. Зная, что наш путь подходит к концу, я сжала кулаки. Теперь продолжать историю предстояло им.

Я крепко зажмурилась. Вдыхала и выдыхала воздух в такт их дыханию по мере того, как они уходили все дальше от автомобильной парковки. Гравий сменился травой, дождь усилился. Она начала всхлипывать, но я была уверена, что это слезы счастья. Я знала, что он чуть крепче сжал ее руку, делаясь с ней той силой, которую я так ценила в нем.

А потом... ничего.

Ничего, кроме последних звуков их дыхания и морского ветра, завывающего в телефонах, когда они падали с высоты в пятьсот тридцать футов в воду внизу. И

когда их тела погрузились в море, а души взмыли в небо, я с силой прикусила нижнюю губу, ощутив привкус крови. Все кончено.

Я выждала некоторое время, прежде чем неохотно повесить трубку. Достав из ящичка стола бумажные платочки, высморкалась, распрямила поджатые пальцы ног и стала думать о своем якорь, пока спокойствие вновь не воцарилось во всем моем теле.

Резко подняв голову, я окинула взглядом помещение, дабы убедиться, что никто за пределами моей выгородки не слышал меня.

- Ты в порядке? - раздался сбоку от меня слащавый голос Мэри, заставив меня вздрогнуть. Она прошаркала из кухни к моему столу, почувствовав, что что-то не так. Ее лицо явственно выдавало ее возраст. - Это был один из тех звонков?

- Да.

- Они ведь не сделали этого, пока ты говорила с ними, верно?

Я кивнула, и она похлопала меня по плечу. По коже побежали мурашки, как бывало всякий раз, когда кто-то без разрешения касался меня. Подобные жесты меня никогда не успокаивали.

- Мне очень жаль, - продолжила Мэри. - Когда они звонят, надеешься, что нужен лишь дружеский голос, готовый их выслушать, и тогда они на какое-то время передумают обрывать свою жизнь, да?

- Да, - солгала я.

- И я знаю, что мы не должны отговаривать их или даже предлагать варианты, но это тяжело, когда ты просто хочешь, чтобы люди поняли: их жизнь стоит того, чтобы жить.

- Тяжело, - согласилась я. - Я хотела бы, чтобы каждый мог увидеть красоту этого мира нашими глазами.

Это был напряженный день, и на линии не хватало волонтеров, поэтому Мэри направилась обратно в свой угол. Когда на моем телефоне замигал красный огонек, обозначая, что нам снова кто-то звонит, я откашлялась и ответила – согласно правилам, спустя пять гудков.

– Добрый день, – начала я. – Вы дозвонились в «Больше некуда», меня зовут Лора. Могу я узнать ваше имя?

Часть I

Лора

Глава 1

Четыре месяца после Дэвида

Поднимаясь по лестнице к двери, я слышала их приглушенные голоса.

В рабочем помещении «Больше некуда» сейчас находились пять человек – все сидели в отдельных выгородках. Некоторые, облокотившись на столы, слушали звонящих через гарнитуры; другие небрежно откинулись на спинки кресел, держа трубку возле уха. Один лениво решал кроссворд в сегодняшней газете.

Я пришла раньше начала своей смены и радостно помахала рукой Кевину и Зои, которые вели беседу – каждый со своим клиентом. Указав на жестяную коробку с кексами, которую несла под мышкой, направилась в сторону кухни. Мэри, старшая из волонтеров нашего проекта, сидела в угловой выгородке первого ряда, ее спицы двигались быстро и почти бесшумно, в то время как она сама говорила что-то в гарнитуру. Сегодня шерсть, из которой она вязала, была такой же серой, как ее полуседые волосы.

Я добралась до жалкой пародии на офисную кухню и положила в холодильник контейнер с остатками вчерашней макаронной запеканки. Выкинув устрашающее количество бутылок из-под просроченного молока, сняла крышку с коробки, чтобы каждый мог попробовать мои свежее испеченные кексы с глазурью. Кексов было достаточно для каждого из дневной смены, а остатки могли поделить между собой вечерняя и ночная.

Я открыла створку окна, чтобы впустить свежий майский воздух и прогнать застоявшуюся духоту, царившую в помещениях второго этажа. Затем, вернувшись в рабочее пространство, достала из сумки блокнот и заняла свою любимую выгородку в дальнем ряду. Рабочие места не были официально закреплены за нами, поэтому мы не могли претендовать на тот или иной стол. Но существовала негласная иерархия, согласно которой тому, кто работал здесь долгое время, было позволено занимать ту выгородку, где он чувствовал себя наиболее комфортно. Я выбрала самое уединенное место возле заколоченного досками викторианского камина. Здесь, за перегородкой, мой негромкий успокаивающий голос, которым я говорила по телефону, не мог услышать никто из находившихся в комнате. Мы никогда не признавались, что подслушиваем телефонные разговоры друг друга, но это нормально – иногда проявлять любопытство.

Вот уже четыре с половиной года я смотрела из этого окна на центральную часть Нортхэмптона и гадала, чей звонок сегодня приму первым. Обычно самые интересные вещи происходили во время более поздней – вечерней – смены. Когда сгущается тьма снаружи, то же самое происходит в душах наиболее уязвимых людей. Ночь – их враг, потому что чем меньше они видят то, на что можно отвлечься, тем больше возможностей у них думать, какой безнадежной сделалась их жизнь. Именно тогда они ищут руку помощи.

Нам предлагалось отвечать каждому клиенту одинаково: с добротой, уважением и профессионализмом. То, что они услышаны, заставляло их чувствовать себя более нужными на этом свете, однако ожидать, будто ты можешь помочь всем, не приходилось. Как и того, что все придется тебе по душе. К некоторым мы мгновенно проникались неприязнью, как только они начинали перечислять своих врагов. В некоторых мы видели самих себя. Некоторых хотелось схватить за руку и глубоко, до крови вонзить ногти в кожу – чтобы заставить проявить хоть немного здравого смысла. Другим мы просто предоставляли плечо, в которое можно выплакаться и не подвергнуться осуждению.

Но если говорить коротко, почти каждый в этой комнате сидел здесь ради одной цели – быть тем, кому клиент может поведать о своих проблемах.

«А еще есть я. У меня своя задача».

– Ты принесла кексы! – с энтузиазмом воскликнул Кевин. Направляясь к моему столу, он сдирал бумажную обертку с одного из них.

– Напомни, прежде чем я уйду, принести твою рубашку из машины, – отозвалась я.

– Осторожней, а то о нас начнут сплетничать! – усмехнулся он, подмигивая мне. Я притворилась, будто смеюсь вместе с ним.

– Пришила пуговицу на манжету и накрахмалила воротник.

– Что бы мы без тебя делали, Лора?

– И не забудь, что в эти выходные – годовщина твоей свадьбы, поэтому купи открытку и цветов. И не ту дешевую дрянь, которую продают на заправке. Закажи букет через интернет.

– Сделаю. – Кевин чмокнул меня в щеку, и я притворно-чопорно закатила глаза. – Ты прямо наша офисная мамочка, – добавил он.

Мне нравилось, когда меня воспринимали как материнскую фигуру. Для них я была полезна, ненавязчива и незаменима, и это меня вполне устраивало. Потому что если тебя не считают угрозой, тебе может сойти с рук намного, намного больше.

Глава 2

Первые тридцать минут четырехчасовой смены были относительно спокойными, поэтому я пролистала папку с фотографиями на своем мобильнике... с теми,

которые мой муж Тони не позволил бы мне выставлять в доме.

Достав из сумки ручку с серебряным пером, открыла блокнот. Я использовала его, чтобы записывать основные подробности о каждом клиенте, включая имя, краткую сводку проблем и несколько вопросов, которые нужно вставить, если в разговоре наметится затишье. Разговор всегда был под контролем клиента – или, по крайней мере, так я им внушала.

Полномочия операторов «Больше некуда» были простыми и ясными, и это было одной из множества вещей, которые убедили меня, что следует тратить на это время. Здесь считается, что каждый имеет право жить или умереть на своих условиях. Мы уверены, что каждый сам должен решить, покончить с собой или нет – если, конечно, это делается не под угрозой и не вредит никому другому, – и не пытаемся отговорить человека от подобного шага. Нас обучают нужным эмоциональным приемам – как оставаться с этими людьми до последнего вздоха, буде таково их желание. Мы слушаем, но не действуем.

Красный огонек на моем стационарном телефоне лихорадочно замигал. Каждый раз, отвечая на звонок, я вспоминала, что говорила мне моя наставница Мэри во время вводного курса: «Твой голос может быть последним, что слышит этот человек в своей жизни. Дай ему понять, что тебе не все равно».

– Добрый день, вы дозвонились в «Больше некуда», меня зовут Лора, – начала я тем же самым дружелюбным тоном, что и бесчисленное количество раз до того. – Могу я узнать ваше имя?

Ответом мне оказалось молчание, но в этом не было ничего необычного. Клиент может собраться с духом и набрать наш номер, но большинство не знает, что сказать, когда на звонок отвечают. Это мой долг: настроить их на разговор и вытянуть из них проблемы. Некоторым достаточно просто услышать мой спокойный голос, чтобы изложить свои страхи.

– Я вас не тороплю, – заверила я клиента. – Буду оставаться на линии столько, сколько нужно.

– Сейчас у меня все очень плохо, – начала она наконец. Голос был низким – такой бывает от многолетнего употребления крепких сигарет.

– Что ж, давайте поговорим об этом, хорошо? – предложила я. – Как я могу к вам обращаться?

Она помедлила достаточно долго, чтобы придумать вымышленное имя.

– Кэрол, – произнесла она. Из-за насквозь прокуренных связок определить ее возраст по голосу было невозможно.

– Хорошо, Кэрол, – продолжила я, записывая имя. – Когда вы сказали, что все ужасно, какой именно аспект своей жизни вы имели в виду?

– Деньги и брак, – сказала она. – Меня сократили в марте, и я не могу найти работу. Пособие на бирже труда едва покрывает расходы на еду, я четыре месяца не вносила плату за муниципальное жилье, а у мужа хроническое легочное заболевание, медленно убивающее его.

Я хотела бы спросить, сильно ли помогает легким мужа ее манера выкуривать две пачки в день, но должна была придерживаться сценария. Не то чтобы я была противницей курения – одной из множества вещей, которых не знали обо мне ни мои коллеги, ни мои родные, была привычка выкуривать сигарету по дороге домой со смены. Но я тщательно контролировала эту привычку.

Я делала краткие заметки о том, что говорила Кэрол. Больше всего мне хотелось узнать, как близко к роковому краю подтолкнули ее обстоятельства. Почему она звонит нам сегодня и как далеко зашла в поисках выхода? Однако я не могла вторгаться в ее личное пространство; ее требовалось поощрить.

– Звучит так, как будто в данный момент вам очень тяжело со всем справиться, Кэрол, – произнесла я. – Бывают времена, когда на нас сваливается слишком много испытаний, верно?

– Да, но я устала от всех этих испытаний. Мне нужен выход.

Мой интерес мгновенно вспыхнул, словно спичка.

– Какой именно?

Я слышала, как клацнуло колесико зажигалки, когда она прикурила сигарету.

– Чувствую себя полной сволочью из-за того, что говорю это вслух... – Она умолкла, чтобы затянуться сигаретой.

– Я здесь для того, чтобы слушать вас, а не для того, чтобы судить.

– Я только что дошла до точки. Больше так не могу. – Голос Кэрол сорвался, и она разразилась хриплым грудным кашлем.

– Для начала скажите, что вы подразумевали, говоря «мне нужен выход»?

– Встретила другого человека и хочу бросить мужа, но не знаю, как это сделать.

Я закатила глаза; это все, что я могла сделать, дабы удержаться и не повесить трубку. Нам было позволено обрывать агрессивные, сексуальные или оскорбительные разговоры. К сожалению, банальности, подобные этой, не были достаточно веским поводом для его завершения.

Кэрол не хотела обрывать свою жизнь в физическом смысле; она хотела начать новую жизнь без багажа старой. На миг мне показалось, что я напала на золотую жилу, но получить звонок от случайного клиента, серьезно вознамерившегося умереть – это все равно что найти жемчужину в устрице. Мне поступало четыре или пять таких звонков в год – если везло, конечно, – но пока что этот год был на удивление урожайным. Однако Кэрол не была нужным мне человеком.

Я сделала то, чему меня учили, и позволила ей плакать и жаловаться, пока она не выговорила все, что у нее было на душе. В конце концов Кэрол повесила трубку – и, смею заметить, без единого слова благодарности.

Потом я стала терпеливо ждать следующего звонка – потому что следующий звонок бывает всегда. Кому-то где-то в этой стране всегда приходится хуже, чем тебе. Ожидание, восторг от того, что ты, снимая трубку, никогда не знаешь, какой оборот примет этот разговор, делает этот звонок невероятно важным.

«Я живу ради следующего звонка».

Глава 3

– Эй! – крикнула я, распахивая входную дверь и извлекая ключ из замка. – Кто-нибудь поможет мне с покупками?

Ответа не было, но это не означало, что никого нет дома. Упоминание о пакетах с покупками было не лучшим способом выманить из убежища мужа и двоих детей – если, конечно, пакеты были не из «Эйч энд Эм», «Зары» или спортивных магазинов.

Я сделала три ходки, прежде чем все покупки оказались аккуратно расставлены на деревянных столешницах в кухне. Каждый пакет стоял под подвесным шкафчиком или над ящиком, куда следовало убрать его содержимое. Кот Бибер, уродливое серо-белое создание с пышной мягкой шерстью и манерой шипеть подобно рассерженной кобре, принадлежал моей младшей дочери Элис. Он лежал возле двустворчатой двери, вытянувшись под теплыми солнечными лучами, проникавшими сквозь стекло. Повернул голову, чтобы посмотреть, кто тревожит его сон, и, узнав меня, издал утробный рык. Я зарычала в ответ. Я кормила его и чистила его лоток, но этого было недостаточно, чтобы завоевать его уважение, и он по-прежнему презирал меня.

Убедившись, что одна в доме, я включила радио. Диджей объявил незнакомую песню, и я переключилась на канал, где играли только музыку восьмидесятых годов – времен моего детства. Несколько клиентов «Больше некуда» говорили, что мой голос похож на голоса ведущих ночных радиостанций, на чьих частотах передают только баллады. Очевидно, это означало «умиротворяющий».

Джордж Майкл сознавался в том, что его девушка целовалась с глупцом, потом Мадонна стала поощрять меня танцевать для вдохновения^{[1} - Имеются в виду песни Джорджа Майкла «Kissing A Fool» и Мадонны «Into The Groove»]. Я почти никогда не вслушивалась в слова песен; фонового шума в пустом доме достаточно, чтобы помешать мне навещать темные уголки своего сознания – возвращение туда не приносило мне ничего хорошего.

Расставив банки и пакеты по шкафам – этикетками вперед, в строгом порядке от темных тонов к светлым, – я достала пакет с замороженными куриными

грудками и сунула в битком набитый холодильник, чтобы они разморозились к завтрашнему вечеру. Потом развернула бисквит, сунула нож в банку с джемом и обмазала бисквит со всех сторон, затем посыпала сахарной пудрой – с левой стороны чуть больше, чем с правой, чтобы он не выглядел таким идеальным. Взяла в руки и осмотрела джинсы, принадлежащие Зои, одной из моих младших коллег, которая попросила меня заменить «молнию». «Нет проблем, – ответила я, – только дай мне пару дней».

Для всей команды «Больше некуда» я была суперженщиной, беззаветной матерью семейства, которая могла взяться за любую работу – от починки кармана на куртке до перетяжки обивки на кресле. Но я практически не умела готовить или шить – для этого есть супермаркеты и ателье. Однако никому из коллег не стоило знать, что все задачи я перепоручаю профессионалам.

Зевота застала меня врасплох – был только четвертый час дня, но казалось, что уже вечер. Дети должны были вот-вот прийти из школы, а рабочий день Тони заканчивался через пару часов. Поэтому я, пока была такая возможность, налила себе большой бокал красного вина, уселась в кресло возле двустворчатой двери, выходящей в патио и сад, и стала смотреть на другую сторону лужайки, поверх клумб с яркими люпинами и пионами, в сторону деревянной ограды и ровного травянистого игрового поля за ней.

Когда два года спустя после нашей свадьбы на свет появился первый ребенок, Тони часто напоминал мне о том, что я должна выжимать максимум из своего личного времени, когда оно у меня выпадает. Теперь, когда дети подросли, у меня стало слишком много личного времени, особенно в этом доме, куда мы переехали по настоянию мужа. Меня и прошлый наш дом более чем устраивал, но Тони утверждал, что раз уж мы стали домовладельцами, нужно продвигаться вверх.

Я вдыхала цветочный запах, исходящий от жасминового аромадиффузора, и рассматривала огромную комнату с открытой планировкой. Мы объединили кухню, столовую и гостиную в одно большое помещение. Я присматривала за разбивкой сада, за внутренними переделками дома, за отделочными и малярными работами и знала каждый дюйм наших владений словно свои пять пальцев. Все здесь было так, как задумал Тони, однако мне это место по-прежнему казалось чужим.

«Мы останемся жить в этом доме всего на пару лет, – объяснял он. – После того как все работы будут закончены и мой бизнес начнет приносить прибыль, двинемся дальше».

Но мы никуда не двинулись. Прошло уже три года, а я так и сидела в этой громадной кухне-гостиной.

Допив вино, я с коварной улыбкой наступила коту на хвост, отчего он, заорав, убежал. Двери ванной и детских комнат на втором этаже были закрыты, и я распахнула их настежь. Все знали, что я не терплю в своем доме закрытых дверей.

Сначала заглянула в комнату Элис. Стены по-прежнему были оклеены розовыми бумажными обоями с блестками и увешаны плакатами с изображением поп-звезд и телезнаменитостей – как в большинстве комнат, принадлежащих девятилетним детям. Но Элис быстро выросла, и я уже чувствовала, как натягиваются завязки моего фартука, когда она начала отдаляться от меня. Пройдет совсем немного времени, и в голове у нее воцарится обычная для подростков грязь: мальчики, макияж и одежда, облегающая самые неподходящие места.

Комната Эффи наглядно демонстрировала их разницу в возрасте. По краям зеркала торчали фотографии звезд «Ю-тьюба» и «Инстаграма», которых я даже не знала по именам; они же образовывали коллаж с внутренней стороны двери. Кроме того, Эффи распечатала фото со своими друзьями – на всех красовались маленькие группки чрезмерно накрашенных девушек, втянувших щеки так, что те, вероятно, соприкасались в центре ротовой полости, и выпятивших губы, точно аквариумные рыбы. Животы тоже были втянуты, отчего девушки казались еще более тощими, чем обычно бывают четырнадцатилетние школьницы.

Эффи росла очень самоуверенной; она сознавала, что начинает притягивать взгляды парней-ровесников, а также мужчин, которым не следовало бы пялиться на несовершеннолетних девиц. Когда-то давно они так же смотрели на меня. Теперь же казалось, будто меня вообще не существует. Я чуть-чуть ненавидела дочь за это и ничего не могла с этим поделать. Она словно вампир высасывала из меня красоту и привлекательность и присваивала их себе.

Еще она хранила от меня разные секреты, и мне пришлось научиться узнавать о частной жизни дочери из других источников. Сев на ее кровать, я включила мобильник и вызвала на экран приложение «Фейсбука». Эффи так и не сменила пароль, поэтому я проверила ее входящие сообщения. Большинство были от друзей. Время от времени попадались имена парней, но темы сообщений были невинными – за исключением одного.

Похоже, Эффи выделяла парня по имени Том, который был сфотографирован за рулем маленькой синей машины – он явно тратил немало времени и денег, чтобы эта машина была похожа на спорткар. В другом сообщении Том прислал Эффи свою фотку с задранной футболкой, открывавшей живот. Я вспомнила времена, когда живот Тони был таким же плоским и гладким. Я смотрела, как он, одетый в плавательные шорты, стоит на мелководье школьного бассейна, и воображала, каково было бы провести кончиками пальцев по его коже. «Словно бархат». Заметив мои взгляды, Тони широко ухмыльнулся, и я быстро отвернулась, чтобы скрыть внезапно вспыхнувший румянец на щеках. Но то, как он тогда посмотрел на меня... то, как наклонил голову, как расширились его глаза, как изогнулись в улыбке его губы... Я поняла, что если буду терпелива, то он подойдет ко мне и в конце концов станет моим. Я всегда получала то, на что упал мой взгляд.

Эффи ответила Тому такой же фотографией, на которой из-под ее закатанной футболки выглядывал край лифчика. Я ощетинилась.

Дверь в третью комнату была единственной, которую я оставила закрытой. Когда-нибудь я, возможно, отважусь войти туда, но не сейчас. Еще не готова.

Я сменила юбку и блузку на джинсы и футболку. Эти джинсы я купила только недавно, и мне было трудно застегнуть их. Когда я все-таки сумела это сделать, то с отвращением посмотрела на свой живот, торчащий над поясом, точно жирный голубь, прикорнувший на ветке. Занятия интенсивной йогой трижды в неделю и два сеанса плавания не сотворили с моей фигурой тех чудес, что были изображены на плакатах, висевших на стенах спортивного центра. Я гадала, считает ли Тони по-прежнему привлекательной хоть какую-то часть моего тела. Если и считал, то никогда не упоминал об этом.

Я бросила взгляд в зеркало, откуда на меня смотрела преждевременно постаревшая женщина. На волосах, осветленных до медово-белокурого цвета, уже начали отрастать темные корни; некогда выступающие скулы словно съехали вниз по лицу, образовав на щеках складки. Светло-карие глаза, все еще

искрящиеся молодым блеском, казались чужими на этом лице.

Я надеялась, что рак яичников и последующая химиотерапия скажутся лишь на тех органах, которые не могут увидеть люди, но то был самообман. Я была мертва изнутри и разлагалась снаружи. Даже сейчас, более года спустя, эффект от всего случившегося по-прежнему проступал на моем лице. Пройдет совсем немного времени, и я буду вынуждена просить у гладеньких, как пластиковые куклы, мамочек, встречающих одноклассниц моей дочери у ворот школы, телефон той клиники, где они делали уколы ботокса и других веществ. Инъекции, зубные виниры и контактные линзы, компенсирующие близорукость, будут означать, что вскоре от изначальной меня останется очень мало. Но, может быть, для Тони это окажется предпочтительнее.

Я вытряхнула из флакончика из-под аспирина, который хранился в шкафчике в ванной, третью и четвертую таблетку на сегодня и проглотила, не запивая водой. Тони понятия не имел, что на самом деле лежало в этом флакончике: таблетки для похудения, не одобренные для продажи в Великобритании Агентством контроля лекарств и медицинских препаратов. Заказала их через интернет в одной из фармацевтических компаний Восточной Европы. Они сжигали жир и помогали быстро терять вес, но в качестве побочного эффекта давали сильные желудочные спазмы и маслянистый понос. Однако я считала эту цену совсем небольшой – ведь я хотела, чтобы Тони снова взглянул на меня так, как в тот день в школьном бассейне.

К тому времени как я спустилась вниз, почтальон сунул в наш почтовый ящик местную газету. Я поспешно пролистала ее, пропуская новости и объявления о продаже недвижимости, пока не нашла искомую страницу.

Волоски на моих руках встали дыбом, когда я впервые увидела лицо Шантель. Она была похожа на тот образ, который мне представлялся, – плоская, тощая, угловатая фигура, волосы собраны на затылке и стянуты резинкой. Я вырвала страницу из газеты, мысленно пометила дату и сунула страницу в сумку. Потом налила еще один бокал вина и стала ждать, пока вернутся домой три человека, которых я почти не знала.

Четыре месяца и две недели после Дэвида

Я достала из своей сумки электронную читалку «Киндл» и положила на стол в своей выгородке.

Пролистала библиотеку, чтобы выбрать одну из десятка книг, которые я скачала, но пока не прочитала. Как правило, романы заставляли меня скучать.

Сосредоточенность, требующаяся, дабы страницу за страницей запоминать, что есть что и кто есть кто, утомляла меня. Я предпочитала вместо этого скачивать на телефон телепрограммы и смотреть их. Но Джанин, менеджер нашего филиала, ругала нас за это – и таких мелких поводов для придирок она нашла великое множество за те семь месяцев, пока занимала свой руководящий пост.

Я едва успела прочесть пролог психологического триллера, прежде чем поступил мой первый звонок за эту вечернюю смену. Я откашлялась и вошла в нужный образ, словно актер, готовящийся выйти на сцену.

Очень многое можно выиграть или потерять посредством первых слов, которые услышит клиент. Проявишь чрезмерный энтузиазм – и тебя сочтут слишком жизнерадостной для сочувствия. Будешь говорить слишком уверенно – рискуешь показаться авторитарной личностью, готовой унижить. Мне нравилось думать, что я соблюдаю верный баланс.

Со мной говорила девушка-подросток; она поняла, что беременна, и понятия не имела, как сказать об этом своим родителям. Я сочувственно выслушивала, в нужные моменты задавала вопросы, не требующие однозначного ответа, и молча гадала, как бы я отреагировала, если б Эффи пришла ко мне с такой проблемой. Я бы настаивала на прерывании беременности, но она, вероятно, сохранила бы ребенка просто из вредности. Девушка на том конце линии тихо плакала. Я притворилась, будто мне есть до нее какое-то дело, и к завершению разговора она решила для себя, что осторожно прощупает семейную почву, рассказав о своем положении тете, с которой у нее хорошие отношения.

Затем настала моя очередь принять звонок от типа, которого мы прозвали Онанистом. Раз в неделю, обычно по четвергам, он звонил нам и громко самоудовлетворялся. Его не волновало, мужчина или женщина ему отвечает, потому что к тому времени, как мы снимали трубку, он уже был близок к оргазму. Предполагалось, что мы вправе повесить трубку, как только станет

ясно, чем он занимается, но сегодня я была в хорошем расположении духа и потому сказала ему, как сильно он меня заводит, и позволила ему завершить дело, прежде чем пожелать доброго вечера и попрощаться.

Потом были два звонка со сразу же повешенной трубкой; приближалось окончание моей смены, и я уже предвкушала изнурительное занятие интенсивной йогой. Сначала был соблазн проигнорировать следующий звонок, потому что не хотелось опаздывать, однако я все равно сняла трубку.

– Никогда прежде не звонил в такие учреждения. Не знаю, с чего начать, – произнес мужской голос.

– Что ж, начните с имени. Как мне к вам обращаться?

– Стивен, – ответил он. Слишком быстро, чтобы это имя было вымышленным. Я записала его в блокнот. По голосу я дала бы ему двадцать с небольшим лет: говор был чистый, с местным акцентом. Мужчина почти не старался скрыть свое нервное состояние.

– Рада побеседовать с вами, Стивен. Могу я спросить, что заставило вас позвонить нам сегодня вечером?

– Даже не знаю. Я... мне кажется, что у меня... никого нет. Мне кажется, что я не хочу... не хочу больше... быть здесь.

Он заполнил графу номер один совершенно самостоятельно, что сделало мою работу немного легче.

– Что ж, хорошо, что позвонили. – Я дала своему инстинкту обычные пять минут на то, чтобы определить, был ли этот человек искренен или просто хотел внимания. – Расскажите о людях, которые вас любят, которым вы небезразличны. Кто в вашей жизни попадает в эту категорию?

Стивен выждал несколько секунд, чтобы подумать.

– Правда, никто, – с тяжелым вздохом ответил он. То, что он высказал это вслух, для него явно оказалось поворотным моментом. – У меня совсем никого нет.

- Есть ли кто-то, кого вы могли бы назвать своим другом?

- Нет.

Графа номер два заполнена.

- Уверена, что трудно жить, когда вы в мире совсем один.

- Это полное дерьмо, а не жизнь.

- Вы сейчас работаете? Есть ли у вас какая-то возможность выстроить личные отношения на работе?

- Едва ли. Иногда проходит день за днем, и вдруг я понимаю, что ни с кем по-настоящему не разговаривал почти целую неделю.

Графа номер три заполнена - чем меньше людей присутствует в его личной или рабочей жизни, тем лучше. Я была рада, что все же ответила на его звонок.

- Неделя - это долгий срок, чтобы ни с кем по-настоящему не разговаривать, - ответила я, подчеркивая его ситуацию и не давая уклониться от темы. - Вы обращались к врачу, чтобы рассказать о своих ощущениях?

- Да, она выписала мне курс антидепрессантов.

- И как они подействовали?

- Прошло уже четыре месяца, а я по-прежнему не понимаю, ради чего встаю утром с постели. Иногда я думаю, что лучше было бы сделать запас этих таблеток и... ну, вы понимаете.

- Иногда или часто?

- Часто, - прошептал Стивен так тихо, что я едва расслышала его. Он словно стыдился своих суицидальных мыслей.

Обычно требовалось намного больше времени, чтобы заполнить четвертую графу, и это, опять же, облегчило мою работу. «Возможно, здесь есть с чем поработать», – подумала я.

Обвела взглядом комнату. Зои играла на своем мобильном телефоне и одновременно разговаривала через гарнитуру. Санджай подергивал ногами, слушая клиента. Мэри пила из термокружки какой-то ядовитый супчик. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Из сумки я выудила второй блокнот, используемый только для тех клиентов, которым я могла помочь на свой уникальный лад. В него подробно записывалось все, что они мне говорили. Позднее я приводила эти подробности в разговоре, дабы подчеркнуть, что слушаю и понимаю. Я вывела на чистой странице имя Стивена и подчеркнула его.

– Вам не нужно стыдиться, Стивен. Все мы в тот или иной момент думаем о том, чтобы оборвать свою жизнь. Вы когда-нибудь пытались сделать это прежде?

– Нет. Но однажды планировал.

– Вы однажды планировали это? – Я старалась воспроизводить его реплики, чтобы дать ему понять, что воспринимаю его признания. – Могу я спросить, что у вас было на уме?

– Я распечатал свои банковские счета и отчеты и оставил их в конвертах на своем столе вместе с паролями от учетных записей и документами на квартиру, чтобы полиция могла их найти. Доехал до моста над железнодорожными путями, за городом, поблизости от Вулвертона... Знаете это место?

– Да, знаю.

– На одном пролете моста ограждение проржавело настолько, что можно проломить его и выпасть на рельсы. Я наполовину сломал перила и долго ждал поезда. Собирался спрыгнуть прямо перед ним, и все было бы кончено. Но поезда не было слишком долго, и я передумал.

– Понимаю. Пока вы ждали поезда, думали о том, как может ощущаться смерть?

– Никак, потому что после смерти ничего нет.

– Она даст вам покой?

– Жизнь не дала, поэтому могу только надеяться.

О чем бы я его ни спросила – Стивен уже задавал себе этот вопрос прежде. Он принял это решение отнюдь не в спешке.

В последнее время меня все сильнее раздражали нытики. Слишком многие из тех, кто нам звонил, небрежно разбрасывались угрозами самоубийства, но когда доходило до дела, им не хватало духу на то, чтобы что-то совершить.

Поэтому я решила надавить и заставить Стивена подтвердить серьезность его намерений. Этот прием психологи называют «страх и облегчение». Я понизила голос, поднесла трубку ближе к губам и начала хорошо отрепетированную, но редко используемую речь.

– Быть может, в глубине души вы не питаете серьезных намерений покончить с собой, – заговорила я. – Возможно, это крик о помощи? Я получаю множество звонков от людей, которые говорят, будто хотят умереть, но при тщательном разборе оказывается, что они просто-напросто испытывают жалость к себе. Может быть, вы один из таких людей, Стивен? Может, вы просто попались в ловушку жалости к себе? Может, настолько глубоко погрязли в этом, что не понимаете: ничего не изменится, пока вы не найдете в себе смелость сделать что-то самому? Потому что если вы не возьмете на себя ответственность, то всю оставшуюся жизнь – возможно, сорок или пятьдесят лет – боль, которую вы испытываете сейчас, боль, которая так нестерпима, что заставила вас позвонить мне, будет только усиливаться. Это – то, что вы чувствуете сейчас, – станет для вас наркотиком. Вы сможете так жить, Стивен? Я знаю, что сама не смогла бы.

Я использовала эти слова только при контакте с потенциальными кандидатами, и моя прямолинейность часто заставляла их врасплох. Они звонили, ожидая, что я буду проявлять к ним сочувствие и, наверное, стану уверять их, что в конце концов все будет хорошо. Но я не такой человек. Я знала по личному опыту, что в конце концов ничего не будет хорошо, а скорее всего, будет куда хуже, чем есть теперь. И иногда это совершенно невыносимо. Но я могу прекратить это. Нужно только поверить мне.

– Я... я... я не просто так звоню, честное слово, – выдавил Стивен, застигнутый врасплох. – Это то, о чем я долго и напряженно думал, и я хочу этого – но если не смогу это сделать, то покажу себя трусом, верно?

– Нет, Стивен, вы не трус. Вы позвонили мне сегодня, и это показывает, насколько вы отважны. Может быть, вы просто выбрали неверный день для ожидания поезда... Так случается со многими людьми. Просто помните: мы здесь ради вас – в любом качестве, в каком вам нужны.

– Вы собираетесь выслушать меня?

Он почти попался. Я позволила обнюхать приманку – и отдернула ее.

– Если это все, чего вы хотите от меня, то да.

– Что, если... что, если мне нужно... что, если я решу... – Голос сделался тише, а затем совсем оборвался.

Стивену было нужно, чтобы кто-то сказал ему, что смерть – правильный выбор. Но сначала мне нужно было точно узнать, чего же он хочет от меня. Я не должна была завершать фразу за него, даже если точно знала, что он собирается сказать, однако для потенциальных кандидатов я делала исключения.

– Вы звоните, чтобы сказать мне, что хотите покончить с собой и ищите моей поддержки в этом деле?

– Я... полагаю, что да.

Как только кандидат думает, будто понимает меня, я сбиваю его с толку, вернувшись к тому же тону, которым разговаривала в начале нашей беседы. Не доверяю никому, пока не удостоверюсь, что он именно настолько отчаялся, насколько говорит.

– «Больше некуда» – беспристрастная организация, не выносящая суждений, – начала я. – Мы здесь для того, чтобы выслушать вас. Мы не пытаемся отговорить вас от того, что вы собираетесь сделать, – просто просим вас сначала поговорить с нами и рассмотреть все варианты, прежде чем сделать подобный важный шаг.

Вы это понимаете?

- Да, - ответил Стивен. Между нами повисло неловкое молчание. - Но...

- Но? - переспросила я.

- Но если я... понимаете, если я хочу осуществить это, то станете ли вы...

- Стану ли я что, Стивен? Каких действий вы от меня ждете?

Он снова замолчал, и я ощутила его нарастающую тревогу.

- Извините, мне нужно идти, - произнес Стивен, прежде чем в трубке наступила тишина.

Я постучала пальцами по столу и стала изучать свои ногти. Темно-красный лак на указательном пальце слегка облупился. Нужно записаться к маникюрше, чтобы восстановить покрытие.

Я не беспокоилась о том, перезвонит ли Стивен. Конечно, он перезвонит, и когда снова будет искать разговора со мной, то покажет, что готов приложить некоторые усилия. Нельзя просто связаться с «Больше некуда» и попасть на мой телефон - у нас нет прямой линии. Нас девяносто четыре волонтера, все работаем в разные смены, и лишь дело случая, кто именно ответит на звонок.

Я вспомнила, как Дэвид постоянно названивал нам, пока не нашел меня. Как только мы установили контакт, я дала ему свое расписание, чтобы мы могли общаться более регулярно. Мы беседовали три или четыре раза в неделю, и не только относительно нашего соглашения; иногда обсуждали события в мире, нашу повседневную жизнь и страны, в которых хотели бы побывать.

И пока он говорил, я закрывала глаза и представляла, что мы сидим друг напротив друга за столиком в кафе где-нибудь за границей; целый день осматривали достопримечательности, а вечером решили насладиться мягкой средиземноморской погодой и поесть в бистро: отведать рыбного супа, выпить кьянти и по-дружески поболтать. Потом реальность вступала в свои права, и я осознавала, что ничто из этого не могло произойти. Никогда.

Спустя столько месяцев я все еще тосковала по звуку его голоса. Я гадала, пройдет ли это чувство когда-нибудь окончательно. Дэвид понимал меня так же глубоко, как я понимала его, – но моего присутствия в его жизни не было достаточно, чтобы побудить его остаться. Меня было недостаточно, чтобы заставить его выбрать жизнь.

Мой желудок стянулся узлом.

«Помни о якорю, Лора. Помни о якорю».

Я прикинула, чего мы со Стивеном можем добиться. Он строил планы. Приводил свои дела в порядок, выбирал место и уже побывал там. Все, что ему было нужно, – я. У меня было доброе предчувствие на его счет.

Хочу услышать, как он умирает.

Глава 5

Я дважды проверила время, указанное в рекламном объявлении, которое выдрала из местной газеты, потом посмотрела на часы. Было уже на десять минут позже заявленного времени. Я ненавидела такие неточности.

Мой беспокойный взгляд упал на группу молодых женщин, которые тоже ждали, пока откроются двери. Я разгладила складки на своем жакете, чтобы выглядеть более презентабельно. Не следовало беспокоиться – судя по их виду, я была единственной, кто приложил хоть какие-то усилия. И поскольку я не была одета в кроссовки или толстовку, то выделялась среди них, словно вывихнутый палец.

Я посмотрела в сторону своего «Мини Купер» и увидела чуть дальше по дороге знакомую фигуру. Он уместился на пластиковой скамье у автобусной остановки, рядом стояла бутылка.

– Олли... – начала я, приближаясь. Старый рюкзак Тони, который я отдала ему, был уже сплошь покрыт грязью настолько, что трудно было различить его изначальный синий цвет. Табак, алкоголь, моча и запах тех мест, где

предпочитал спать Олли, смешивались воедино, создавая отвратительный смрад. Но я ничего не сказала на этот счет, лишь крепко обняла его. Это было все равно что обнимать мешок с костями.

- Привет, Лора, - пробормотал он, одарив меня слабой улыбкой. - Что ты здесь делаешь?

Обычно ему требовалось несколько минут для того, чтобы разобрать сквозь хмельной туман, кто я такая. Но в это утро он был относительно трезв, и в голове у него, видимо, слегка прояснилось. У нас с Олли была разница в возрасте всего в один год, но каждый раз, когда я видела его, этот разрыв словно увеличивался. Поредевшие грязные волосы доходили почти до плеч, сквозь дыры в ботинках виднелись носки. Борода длиной в дюйм уже начала сесть, а глаза потемнели, из тепло-карих сделавшись угольно-черными. В нем осталось очень мало от живого человека.

- Как дела? - спросила я.

- Не так уж плохо. - Он зашелся резким лающим кашлем.

- Не похоже. Все еще не прошла та болезнь?

- Не прошла.

- Предлагала же отвезти тебя в клинику и показать врачу. Еще можем съездить, если хочешь, - допустим, сегодня днем.

- Нет-нет, всё в порядке, - ответил он.

- Нужны деньги?

- Ха! Мне всегда нужны деньги, Лора. Но ты уже достаточно сделала для меня...

Я залезла в свою сумку и достала все, что у меня было, - банкноту в десять фунтов. Было стыдно, что я могу предложить только такую жалкую сумму.

- Возьми, пожалуйста. Купи что-нибудь поесть.

– Ты же знаешь, на что я их потрачу. – Олли внимательно смотрел на меня, пока я созерцала стоящую рядом с ним бутылку сидра. Его пристрастие было единственным, что я могла простить. У него была на то причина. И заключалась она в том, как он когда-то спас меня.

– Просто пообещай, что купишь хотя бы сэндвич.

– Ладно.

– Обещай, – повторила я.

– Обещаю.

Когда Олли улыбнулся, я заметила, что он лишился еще одного зуба в нижнем ряду – они выпадали, словно сбитые кегли. Сердце щемило при виде того, какую жизнь ведет Олли, но он неизменно отвергал все мои попытки помочь ему, и оставалось только наблюдать, как он медленно губит себя. Я надеялась, что его хоть немного утешит то, что кто-то в этом мире по-прежнему беспокоится о нем.

Позади нас к небу поднимался серо-белый дым от множества сигарет. Я направилась обратно к толпе, в то время как предыдущая группа вышла из двустворчатых дверей.

Я держалась позади. Не хотела оказаться в передних рядах – там меня могли спросить, кто я такая, – но и не хотела оставаться слишком далеко позади и упустить, что скажут о ней. Держаться ровно посередине зала крематория – вполне подойдет.

К тому времени, как четыре облаченных в костюмы служителя внесли в зал некрашенный сосновый гроб, где лежала Шантель Тейлор, и поставили его на постамент, песня Адель[2 - Адель Лори Блю Эдкинс (р. 1988) – популярная британская певица.], звучащая из динамиков, доиграла до второго припева. Гроб был украшен цветами, скорее всего пластиковыми, включая лежащие на крышке ужасного вида венки со словом «МАМОЧКЕ», выписанном желтыми гвоздиками.

Проводить ее пришло человек тридцать или чуть больше. Почти все были ровесницами Шантель: одинокие матери в возрасте чуть за двадцать, носящие

украшения из поддельного золота, с татуировками на руках. Если и требовалось какое-то доказательство тому, что я была права, помогая ей умереть, то оно было прямо передо мной, в глазах этих молодых зомби.

Я взглянула на черно-белый экземпляр распорядка службы, на обложке которого была прилеплена фотография Шантель. Женщина была изображена в садике возле пивной, с пинтовой кружкой в руке, ее беременный живот уже заметно выпирал. Я покачала головой: ее ребенок еще в утробе матери был лишен всяких шансов на нормальную жизнь.

В первом ряду, возле заплаканной пожилой женщины, сидели, несомненно, они. Женщина повернула голову и промокнула бумажным платком чересчур густо нанесенную тушь, стекавшую по лицу, словно нефть. Дети были слишком малы, чтобы присутствовать, – я вспомнила, как Шантель говорила, что обоим нет и четырех. Глядя на бабушку, я решила, что им будет лучше оказаться на попечении местных властей. И мысленно сделала пометку сообщить в социальные службы о том, что она хранит наркотики у себя дома. Я понятия не имела, так ли это, но был шанс, что полиция найдет что-то, дабы использовать против нее. Тем самым я окажу услугу детишкам. Находиться под опекой государства – конечно, испытание не из приятных, но меня это не убило.

Священник зачитал надгробную речь, и я вспомнила, что когда Шантель впервые позвонила в «Больше некуда», мы обсуждали то, как она пытается соскочить с героина ради своих несчастных малышей. Только с моей помощью она постепенно начала осознавать, что даже если бросит наркотики, то для таких семей, как у нее, не существует никакого счастливого будущего. Спустя несколько недель Шантель уже снова плотно сидела на веществах.

– Что вы чувствуете, понимая, что ваши дети не могут дать вам такого блаженства, какое дают наркотики? – спросила я ее однажды, через пару недель спустя после того, как наши разговоры сделались регулярными. По ее тону я чувствовала, что тот день выдался у нее особенно мрачным.

– Чувствую себя дерьмовой матерью, – без обиняков ответила она.

– Уверена, что дети не считают вас таковой... Они просто любят вас какая вы есть. Они не осознают, что за жизнь вы создали для них. Этот хаос – все, что они знают.

- Что вы имеете в виду под «хаосом»?

- То, что их мать зависит от наркотиков и прочих веществ. То, что у нее нет денег на нормальную, полноценную еду. То, что, когда подрастут и пойдут в школу, они увидят у своих одноклассников вещи, которые вы им никогда не сможете купить. И я знаю - вы из тех людей, которые от этого ужасно страдают, верно?

- Конечно.

- Думаете о том, что они будут расти, ненавидя и презирая вас?

- Да, все время.

- Вас беспокоит, что они могут пойти по вашим стопам и стать наркоманами, как вы и их отец, да? Это может оказаться наследственным, не так ли?

- Я не позволю им подсесть на наркотики.

- Могу держать пари, что ваша мама говорила то же самое о вас, но трудно заставить человека делать или не делать что-либо, я права? Неудивительно, что вам кажется, будто вы плохо справляетесь со своими материнскими обязанностями. Что еще вас тревожит?

- Что они разочаруются во мне.

- Очень легко обзавестись дурными привычками, когда речь идет о зависимости, особенно если вы не видите причин для того, чтобы держаться на плаву.

- Мне казалось, у меня есть причина - мои дети... но я недостаточно сильна.

- И как вы уже сказали мне, вы знаете, что они, вероятно, разочаруются из-за жизни, на которую вы обрекли их. А жить без героина тяжело, верно? Особенно если нет ничего другого. Наверняка это вызывает ощущение, что жизнь никогда не станет лучше, чем есть.

- Что я могу сделать, чтобы им стало лучше жить? - Шантель всхлипнула.

Это был тот вопрос, которого я ждала от нее. И знала, что как только мои слова заставят ее вернуться к прежней зависимости, она придет к решению, заготовленному мной для нее. Всем будет лучше без Шантель.

Когда настал ее день расплаты, она приобрела у своего бывшего друга, громилы-наркоторговца, достаточно героина для того, чтобы сделать все необходимое. Я закрыла глаза и внимательно вслушивалась в шлепанье ее босых ног по доскам пола, который Шантель не могла даже застелить ковром; слышала, как она задернула занавески и тихо закрыла за собой дверь спальни, как заскрипела кровать под невеликой тяжестью ее тела. Услышав щелчок зажигалки, вообразила, как пламя нагревает металлическую ложку. Представила, как втягивается в шприц мутная жидкость, как Шантель ощупывает свои руки и ноги, пытаясь найти вену, еще не схлопнувшуюся под тяжестью ее слабой воли.

– Когда мои дети подрастут, найдите их и скажите, что я поступила так, потому что любила их, хорошо? – попросила она.

– Конечно, – солгала я. – Напоминайте себе о том, что исследовали все остальные тропинки и пришли к выводу, что это единственный путь, имеющий смысл. Вы идете вперед и позволяете всем, кто любит вас, сделать то же самое. И я высоко ценю это.

Спустя несколько секунд игла пронзила ее кожу, и я с блаженным удовлетворением выслушала всё до ее последнего вздоха. Единственный звук, значение которого для меня превыше всего остального... тот драгоценный момент, когда кто-то в последний раз выдыхает, уходя прочь из этого мира. Люди, которые, подобно Шантель, живут в постоянном страдании, предаются в мои руки, потому что я понимаю их лучше, чем способен понять кто-либо еще на свете. Я знаю о том, что им требуется, больше, чем знают их братья, сестры, родители, супруги, лучшие друзья или дети. Я понимаю их, поскольку знаю, что для них лучше всего. Если они даруют мне доверие, я вознаграждаю их, доходя хоть до края света, чтобы помочь. Я облегчаю их страдания. Пресекаю все плохое, что случилось в их жизни. Спасая от себя самих. Вот кто я такая: спасительница заблудших душ.

Через двадцать два дня после того, как я спасла Шантель, мы наконец-то оказались в одном помещении. Темно-красный бархатный занавес окружил гроб,

прежде чем тот отправился в печь. Когда ее друзья направились к выходу, я взяла экземпляр распорядка траурной службы и положила в черную сумку, которую брала на все похороны.

Именно в ней я хранила остальные распорядки служб. Шантель была пятнадцатой. Моя коллекция становится довольно внушительной.

Глава 6

– О, Лора, он просто воздушный, – восхитился Кевин, сунув в рот второй кусок моего бисквитного торта. Я не устояла перед соблазном оставить кусок на столе человека, и так страдавшего высоким уровнем холестерина в крови.

Когда Кевин подошел ко мне в офисной кухоньке, я попыталась отвести взгляд от его неопрятной бороды. Он обманывал себя, если полагал, что она отвлекает кого-нибудь от его быстро редющих волос. Во время разговора Кевин случайно выплюнул крошку мне на юбку. Вечером придется ее стирать.

– Спасибо, – ответила я с фальшивой скромностью. – Получился совсем не таким красивым, как мне хотелось бы, а домашний джем вышел немного вязким.

– Поверить не могу, что ты сама делаешь джем... Просто идеальная жена.

– Стараюсь. – Я мысленно поблагодарила супермаркет и предложила Кевину еще один кусок.

У моей личности много разных граней, но все окружающие неизменно видели одну: кормилица.

– Понимаю, почему вся выпечка, которую ты делаешь для акций по сбору средств, расходуется в самом буквальном смысле как горячие пирожки, – добавила Зои. – И все же, серьезно, ты должна подумать о том, чтобы принять участие в одном из состязаний кондитеров. Произведешь фурор.

Ее передние зубы снова были измазаны в губной помаде. Что не так с этими людьми?

Акции по сбору средств являлись моим коньком. «Больше некуда» была зарегистрированной благотворительной организацией и не получала денег ни от местных, ни от государственных властей. У нее были филиалы почти в каждом графстве, но ожидалось, что она будет работать на самоокупаемости и самостоятельно оплачивать все счета за расходы. Телефонная связь, ремонт компьютеров, программное обеспечение, оборудование, съем помещений, налоги и так далее, в целом около 80 000 фунтов в год. Будучи казначеем нашего филиала, я была вполне довольна тем, что самостоятельно изыскивала и добывала средства, пока головной офис не назначил менеджером Джанин Томсон. Она не просто наступала мне на ноги, а танцевала на них с грацией страуса на горячих углях.

Когда за два года до этого она только-только пришла волонтером в нашу организацию, я с первого взгляда поняла, что мы вряд ли подружимся. Все в ее внешности претило мне: от вечно прищуренных глазок до бровей, нелепо выщипанных высокими дугами, словно логотип «Макдоналдса». Седые волосы липли к голове, будто уродливые слизняки, и она пыталась придать объем своим бритвенно-тонким губам, подмазывая ярко-красной помадой под ними и над ними. Настоящая клоунесса в поисках цирка.

Потом, когда ее продвинули на пост менеджера, обойдя меня – несмотря на всю тяжелую работу, которую я проделала, – моя неприязнь превратилась в ненависть. Я даже никогда не хотела получить эту должность, потому что тогда у меня стало бы меньше времени на то, чтобы говорить по телефону; но тут уж было дело принципа. Эту должность мне должны были поднести на тарелочке.

Джанин немедленно дала всем понять, что она тут главная, хотя мы успешно справлялись с делами задолго до ее появления. Но такова уж была ее натура.

Однако больше всего меня злило то, что она проявляла нездоровую одержимость мною. Иногда, сидя в своей выгородке и выслушивая, как еще одна неприкаянная душа делится своими тайнами, я ловила Джанин на том, что та взирает на меня из своего застекленного офиса, сдвинув очки на кончик носа и напряженно пытаюсь уловить: не говорю ли я что-то, чего нет в своде правил. Знала бы она, как далеко я могу отойти от этого свода, когда мне этого хочется!.. А когда Тони пришел вместе со мной на ужин в честь

шестидесятилетия Мэри, Джанин практически не сводила с него глаз. Я видела, как она заигрывала с ним, а он смешил ее. Но в глубине души она должна была знать, что никогда не сможет привлечь такого мужчину, как мой муж, – или, если уж на то пошло, любого мужчину, не страдающего слепотой.

– Попробуй немного Лориного торта, – предложил Кевин, когда Джанин вошла на кухню, чтобы сполоснуть свою кофейную кружку. С покатога плеча свисала кошмарная оранжевая сумка с изображением китайского дракона – автопортрет, предположила я. Она всегда ходила только с этой сумкой, которая не подходила ни к чему из ее скудного гардероба из тусклых поношенных шмоток. Когда Джанин сказала, что эта сумка единственная в своем роде, я поверила, потому что никто другой не захотел бы приобрести такую.

– Не знаю, как у тебя хватает времени делать так много дел, – начала Джанин. Другие не расслышали, но я-то четко распознала обвиняющие нотки в ее тоне. – У тебя семья, ты волонтеришь здесь и еще ухитряешься конкурировать с лучшими кондитерскими города... Просто богиня домашнего очага, а?

– Хочу дать хороший пример своим детям; к тому же я умею справляться со многими делами разом, – ответила я со скупой улыбкой. – Если желаешь получить от меня пару советов, просто попроси. Хочешь торта?

– Нет, спасибо. Непереносимость глютена.

– Так действительно бывает? Просыпаешься как-то утром и понимаешь, что спустя пятьдесят с лишним лет не можешь есть торт?

– Мне сорок два года. – Джанин сердито зыркнула на меня, и я мысленно сделала пометку мелом на доске. Кевин и Зои пытались скрыть, как их все это веселит.

– Не очень хорошо умею определять возраст, – созналась я.

Скоро Джанин поняла, что ее работа была бы намного труднее, если б не те тысячи фунтов пожертвований и спонсорских вложений, которые я в одиночку приносила нашей организации. Я без колебаний просила средства у местных компаний или проникала на вечеринки крупных бизнесменов, дабы получить то, что мне было нужно, – даже если из-за этого приходилось терпеть приставания

толстых лысых мужчин, пахнувших виски, сигарами и безнадежностью, которые полагали, будто я нахожу их привлекательными.

Тяжкий труд приносил мне славу и высвобождал для Джанин время, чтобы та могла посидеть на сайтах азартных игр – она заходила туда, когда думала, что никто этого не видит. Может, она и чистила историю браузера, но я нашла эти странички в разделе куки[3 - Хранящиеся на индивидуальных устройствах файлы веб-профиля с разного рода данными, по которым конкретного пользователя идентифицируют веб-серверы.] – нашла с быстротой вращения рулетки, в которую Джанин так любила играть. Я сохранила для себя это знание, снятые мною скриншоты и пароль от ее учетной записи. Возможно, когда-нибудь пригодится.

Дневная смена часто бывала спокойной. Днем звонили в основном отчаявшиеся домохозяйки и мамочки – пока детей и мужей не было дома. Еще это время любили заключенные, пользуясь тем, что звонок на наш номер был бесплатным. Ранним утром по большей части поступали звонки от мужчин, идущих на работу, – как правило, их тревожили денежные вопросы и суммы в счетах, которые эти люди могли обнаружить в почтовом ящике по возвращении домой. Большинство клиентов-самоубийц ждали до вечера, когда они оставались в одиночестве и у них появлялось время подумать.

Это было любимое время Дэвида. Прошло больше семи месяцев после нашего первого разговора, и почти пять месяцев – после последнего. Иногда я скучала по нему так сильно, что это причиняло мне физическую боль.

С самого первого его звонка я поняла, что мы связаны. Моя интуиция цеплялась за отчаяние в голосе, за построение фраз, за то, как человек произносит определенные слова. По нашему диалогу я инстинктивно определяла, кандидат человек или нет. И ни одно ощущение не могло сравниться с тем, что я испытывала, когда они появлялись в моей жизни.

Дэвид был вежливым мужчиной с мягким голосом – однако эмоционально парализованным, неспособным оправиться после жестокой смерти своей жены. Она была убита тремя грабителями, вломившимися в дом, пока Дэвид работал в ночную смену. С тех пор удушливое облако вины окутало новую жизнь, которая ему досталась. Для него оказалось невозможно в одиночку двигаться по этому пути, поэтому одним тоскливым вечером он поднял телефонную трубку и позвонил нам. Мне.

В скорби Дэвида было нечто совпадавшее с моей скорбью и связавшее нас воедино. Он не искал сочувствия и не просил никого уверить его, что он не виноват в смерти жены, – потому что вокруг него было множество людей, которые и так это делали. Он хотел лишь, чтобы кто-нибудь выслушал и по-настоящему услышал его – и никто не был способен понять его потерю лучше, чем я.

Мы были родственными душами, которых связали жестокие действия других людей. Я выбрала борьбу. Он же сдался. По мере того как наши разговоры становились все более частыми, а эмоциональная связь усиливалась, я поймала себя на том, что хочу сохранить ему жизнь – по эгоистическим причинам. Мне нужны были наши беседы, мне нужно было слышать, как он говорит, мне нужно было, чтобы я была ему нужна. Я свернула с протоптанной тропы и занялась попытками помочь ему. Если б он понял, что, приложив чуть-чуть больше усилий и протянув руку чуть-чуть дальше, сможет дотянуться до меня – и я сумею помочь... Я поставила себе цель сохранить его ради себя, а он пытался убедить меня, что ему лучше быть мертвым. Я просто не хотела отпускать его. Но в конце концов мне пришлось признать поражение, хотя это и разбило мне сердце.

Главным затруднением Дэвида было то, что он не хотел покидать эту жизнь в одиночку. Поэтому моей главной задачей стала попытка найти того, кто захочет завершить свой жизненный путь вместе с ним.

А потом неожиданно появилась она.

Глава 7

Когда начинали сказываться побочные эффекты таблеток для похудения, я была признательна за то, что в доме больше одного санузла.

Чуть ли не полчаса я не могла слезть с унитаза в своем туалете. После, распылив в воздухе изрядное количество освежителя и еще ощущая спазмы в кишечнике, стала изучать живот, встав к зеркалу боком. Были заметны определенные признаки того, что даже за последнюю неделю он стал чуть более плоским. Я

провела по нему пальцами, воображая, будто Тони касается моего тела. В это утро я, наверное, смогу сжечь по меньшей мере на двести калорий больше, если выберу пешую прогулку до школы вместо поездки на машине. Если такой прогресс сохранится и дальше, может быть, Тони снова начнет видеть меня по-настоящему...

Я загрузила в посудомойку тарелки, оставшиеся от завтрака, и увидела, что Тони – к моему вящему раздражению – снова наливает кофе в одну из хороших кружек. На улице было теплее, чем утром предсказывала по телевизору упитанная дикторша, поэтому я обвязала толстовку вокруг талии и стала думать о том, что словно еще вчера вела Элис на первое занятие в подготовительном классе. Неделя занятий, неделя отдыха; мы проделывали тот же путь, который я некогда проходила с Эффи. Сейчас Эффи считала себя слишком крутой, чтобы идти с нами, поэтому вышагивала в нескольких футах впереди. Элис держала меня за руку и раз за разом напевала припев песни, услышанной ею по радио. Ее любовь к повторениям злила меня. Я сдавила ее пальцы так, что она вскрикнула и попросила меня отпустить. Сейчас уже никто не желал держаться за мамочкину ручку, и это меня устраивало. К тому времени, как я дошла до школьных ворот, Элис уже бегала на игровой площадке со своими подругами.

На секунду я подумала, не завести ли разговор с другими мамочками, занявшими свои места в обычном утреннем кружке сплетниц. «Мафия», как прозвал их Тони. Но это было бессмысленно, потому что в тесных рядах этих дамочек никогда нет свободных мест для посторонних. Я так и видела, как в фитнес-зале они, словно стая гиен, взирают негодующими взглядами на каждую женщину, чьи габариты превышают десятый размер[4 - По британской шкале 10-й размер соответствует 44-му российскому.]. Потом представила их в задних рядах велотренажерного зала и как по их коже, гладкой от инъекционных имплантатов, стекают капли пота на подстеленные белые полотенца. А после, думала я с затаенным весельем, они поглощают в кафе пересахаренные смузи и пирожные. Такие дамочки в равной мере пленяли и отвращали меня.

Путь от школы до моего следующего пункта назначения занял ровно двадцать две минуты – это время я использовала, чтобы выкурить сигарету и выкинуть из головы все негативные мысли. Потому что когда я прихожу к якорю, мне нужна ясность. Хочу, чтобы мысли и сердце были так же чисты, как у него.

Вскоре впереди показался Кингсторпский пансионат. Большое прямоугольное здание с двумя крыльями, раскинутыми в стороны, словно ветки. Толстые

солидные дубы росли по бокам вымощенной кирпичом подъездной аллеи, которая вела вверх по едва заметному склону к двойным дверям, забранным матовым стеклом. Здание было окружено тщательно ухоженными садами, поодаль виднелось озеро.

Я улыбнулась молодой регистраторше в приемной и расписалась в книге учета. Проверила, появились ли в книге за время, прошедшее с моего последнего визита, подписи Тони или девочек, но их имен не было. Их никогда не было. Никто из них не знал, что я хожу сюда четыре раза в неделю.

Нажав на кнопку, регистраторша впустила меня в общий зал, где я обнаружила Генри и маленькую группу его сотоварищей – все они сидели по отдельности, и их внимание было полностью занято разными предметами.

Он почти неподвижно сидел в своем кресле на колесах и никак не отреагировал на мой приход. Но для меня это не имело значения – я знала, что так будет. И точно так же я знала: он понимает, что я здесь. Назовите это материнской интуицией.

Голова моего сына была склонена вправо, однако взгляд оставался прикован к экрану телевизора, висящего на стене. Не было возможности понять, как много из увиденного он воспринимает, однако выглядел Генри так, словно полностью сосредоточился на мультфильме «Свинка Пеппа». Струйка слюны, тонкая, словно паутинка, тянулась из уголка рта вниз по подбородку, к нагрудному карману футболки. Я достала из сумки бумажный платочек и промокнула слюну, потом ногтем указательного пальца аккуратно убрала оставшиеся от завтрака крошки из другого уголка губ.

Просунула руку под ремни, надежно удерживавшие Генри в кресле, чтобы проверить, не слишком ли туго они затянуты на плечах или на талии. Обнаружив, что ремни оставили глубокие вмятины на коже, накричала на нянечку. Мне было ненавистно то, что он может испытывать боль, но не в состоянии как-то проявить это.

Я посмотрела в глаза Генри; когда-то они могли озарить весь зал, но теперь словно потеряли свой блеск. Это произошло не вдруг, но я боялась, что начинаю терять его. Мне не с кем было поделиться наблюдениями, потому что никто, кроме меня, не приходил повидать его.

Я провела рукой по его мягким темно-русским волосам. Они были зачесаны вперед, хотя нянечки были в курсе: я считаю, что такая прическа ему не идет. Поэтому я плеснула себе на ладонь немного воды из пластиковой чашки и разобрала его челку на косой пробор. Судя по всему, в школе, где училась Элис, такая прическа была модной среди мальчишек – ровесников Генри.

Тощие руки и ноги выпирали из-под пансионатской одежды. Он так и не набрал вес, потерянный за время пневмонии. Две недели я почти неотрывно провела с ним, даже спала в кресле рядом с его кроватью – и еще столько же в больнице, куда его увезли на дренаж легких. Я была со своим сыном – и впервые смогла пробыть с ним так долго с того момента, как в наш дом приехала «скорая помощь», чтобы увезти его от меня.

Я всегда готова была признать, что первые годы жизни Генри дались нам тяжело – слабая иммунная система делала его уязвимым для любой инфекции, и изрядную часть суток он только и делал, что кричал. Конечно, он оказался пожизненным источником хлопот – а разве не так обстоят дела с любым ребенком? Но, как ни пыталась, я не сумела заставить Тони принять его. Ближе к финалу он практически не смотрел в сторону сына.

Я знала, что никогда не поведу Генри в школу, никогда не увижу, как он играет с друзьями, никогда не смогу присутствовать на его свадьбе. Мы не сможем делить друг с другом воспоминания, и я никогда по-настоящему не узнаю, о чем он думает. Все мечты и планы, лелеемые во время беременности, давным-давно рассеялись дымом.

Но я нашла новую надежду: хотела помочь ему развиваться настолько, насколько он вообще в состоянии. Даже самое мелкое достижение, такое, как распознавание формы и цвета, становилось огромным и всеобъемлющим. Постепенно я научилась принимать существующее положение вещей и не цепляться за то, что могло бы быть.

Разумом он никогда не станет старше годовалого младенца, никогда не впитает никаких знаний. Он никогда не будет ждать от меня больше, чем я отдаю. Для меня Генри был идеальным семилетним мальчиком, просто на свой особенный лад.

Я отчаянно хотела оставаться опекушкой сына, потому что он был частью меня. И мы отлично проводили время вместе, пока поставленный мне диагноз – рак – не разрушил все. Требовалось срочное и тщательное лечение, поэтому меня положили в больницу. Когда несколько недель спустя я вернулась домой, Генри исчез. Сначала Тони утверждал, что сын просто временно находится на попечении и вернется, когда я буду чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы присматривать за ним. Но когда я набралась сил, муж поставил передо мной ультиматум: или наш брак и девочки, или я и Генри – сами по себе.

Все – от врачей, осматривавших Генри, до патронажных медсестер – заверяли меня: на нем никак не отразится то, что он больше никогда не вернется домой. Но я знала своего сына. Он думал, что я отказалась от него и отдала в руки людей, которые никогда не смогут полюбить его так, как любила я. Меня убивало то, что он не знает: я не виновата – не мое нежелание, а моя болезнь разделила нас. Чувство вины заставляло меня задыхаться.

Я находила слабое утешение в том, что здесь Генри хотя бы будет под должным присмотром. Его накормят, искупают, оденут и вывезут в сад или к озеру – подышать свежим воздухом. Он ничего не хотел и не нуждался во мне, но я все равно приходила. Я могла только убрать крошки с его губ и расчесать ему волосы на косой пробор. Хотя бы это.

Я взяла Генри за руку и положила пальцы на его запястье, просто чтобы почувствовать его пульс.

«Чувствую, как во мне бьется его сердце», – сказала я Тони однажды во время беременности.

«Не говори ерунды, – ответил он. – Ты просто слышишь собственное».

Тони не понимал, что мое сердце и сердце Генри были едины. И пока я могу ощутить его пульс, он всегда будет моим якорем.

Четыре месяца и три недели после Дэвида

Я нахмурилась, глядя на пластиковый стаканчик с остатками кофе, стоящий на столе.

Терпеть не могу, когда другие в мое отсутствие пользуются моим рабочим местом, особенно когда им не хватало воспитания убрать за собой. Офис и сам по себе выглядел неопрятно, если не сказать хуже: вытертый узорчатый ковер родом из семидесятых, выгоревшие белые обои из древесно-стружечной массы, потолок с пятнами никотина – никто, похоже, так и не собрался покрасить его даже десять лет спустя после запрета на курение на рабочем месте.

Помада, размазанная по ободку стаканчика, была для меня все равно что подпись рисовальщика уличных граффити – из этого стаканчика явно пила Джанин. Я выкинула стаканчик в ведро для пластика, опрыскала стол антибактериальным раствором и вытерла все следы ее пребывания, прежде чем ответить на первый за мое дежурство звонок.

По одному только нервному «алло», я сразу же поняла, кто звонит в «Больше некуда» – еще до того, как он представился. Некоторые люди никогда не забывают лица, увиденные раз в жизни; я же никогда не забываю голоса, даже если этот человек произнес одно-единственное слово. Мои глаза загорелись.

– Меня зовут Стивен. Вы, вероятно, не помните меня, но, мне кажется, вы та самая женщина, с кем я говорил недавно...

Он безуспешно пытался скрыть страх.

– Да, здравствуйте, Стивен. Именно я беседовала с вами и помню вас. Как дела сегодня?

– Всё в порядке, спасибо.

– Звучит более позитивно, чем в прошлый раз. Жизненные обстоятельства в чем-то изменились?

– На самом деле, полагаю, не особо.

- О, жаль это слышать. - Мне, конечно, не было жаль. Но я уже пришла к выводу, что если б в его жизни произошли какие-то значительные перемены к лучшему, он не стал бы звонить нам повторно. - Тем не менее у вас хотя бы сегодня хороший день?

- Полагаю, да.

- Что ж, иногда после хорошего ночного сна мы просто просыпаемся утром, чувствуя, что наше отношение к жизни улучшилось.

- Но это не значит, что все плохое куда-то делось, верно?

Раз уж он сам пришел к такому выводу, значит, мне предстояло посеять в его голове на одно семечко меньше.

- Как думаете, удастся продлить хороший день еще на сутки?

- Не уверен.

Что-то в паузе, разделявшей мой вопрос и его ответ, заставило меня подумать, что это был совсем не тот разговор, которого он хотел или ждал. Но именно такого хотела я, и почти воочию видела, как Стивен хмурит брови, слыша, что я жду от него только позитивного настроения. Он надеялся на продолжение того, о чем мы говорили в прошлый раз, когда он желал моей поддержки в своем решении покончить с собой, - однако ему не хватило духу, чтобы попросить об этом.

Если потенциальный кандидат находит меня во второй раз, я понимаю, что он настроен серьезно. Но всегда уклоняюсь от определенных аспектов первой беседы. Веду себя так, словно мои слова о том, что кандидат несерьезно отнесся к самоубийству, просто не были произнесены. Сверяюсь со своими заметками и вворачиваю какой-нибудь необычный факт или фразу, сказанную им в прошлый раз, дабы подтвердить, что я его слушала. Но и только. Если клиент заинтригован достаточно, чтобы выйти на меня в третий раз, он получит мое безраздельное внимание.

Следующие десять минут диалог шел строго по инструкции. Со стороны могло показаться, что моя цель – подчеркнуть позитивные стороны его жизни. Но поскольку он пребывал в таком мрачном настроении, собственные пессимистичные ответы заставляли его лишь глубже проникнуться одиночеством и безнадежностью.

– Стивен, надеюсь, вы не против, если я скажу, что в начале разговора вы утверждали, будто у вас всё в порядке, однако по вашему тону трудно в это поверить.

– Наверное, у меня просто развилась привычка говорить, что всё в порядке, чтобы люди не беспокоились обо мне.

Настал момент в очередной раз навести его на то, что он в действительности хотел обсудить.

– Наш девиз – сохранять непредвзятое отношение. В разговоре со мной не нужно притворяться, будто вы что-то чувствуете, хотя на самом деле это не так. Есть ли что-то, о чем вы особенно хотите поговорить?

– Э-э... в прошлый раз, когда мы говорили...

– Я помню...

– Я сказал вам кое-что.

– Вы сказали мне много всякого.

– О том, как я думал о самоубийстве...

– Да, вы это говорили.

– Вы спрашивали, готов ли я это совершить.

– Не помню, чтобы я использовала именно эти слова, Стивен. Думаю, вы могли неверно истолковать то, что я вам сказала.

- О...

Я намеренно сбивала его с толку.

- К какому заключению относительно самоубийства вы пришли с прошлого своего звонка нам?

- Я много размышлял. По сути, это единственное, что было у меня на уме, и я не мог перестать думать об этом. Вы правы: что бы я ни делал, ничего не изменится. И я по-прежнему буду чувствовать все то же самое.

Он цитировал мои слова почти точно. Это был еще один положительный признак.

- И как, по вашему мнению, вы можете избавиться от этих чувств?

- Не знаю.

- А мне все же кажется, что знаете, верно? Если быть предельно честным с самим собой.

- Да, - прошептал он. - Я готов. Я имею в виду, я хочу... я хочу умереть.

- Стивен, мне очень жаль прерывать наш разговор, но, боюсь, мне уже пора идти, моя смена заканчивается. К несчастью, не могу переключить вас на кого-нибудь из моих коллег, но если вы позвоните заново, уверена - кто-нибудь еще с радостью продолжит беседу с вами с того места, на котором мы ее завершили.

Моя смена вовсе не заканчивалась, оставался целый час, и я никогда не обрывала резко разговор с кем-то, кто не был кандидатом.

- Что? Но...

- Берегите себя, Дэвид, - произнесла я и повесила трубку, не дав ему шанса попрощаться.

Я была уверена, что он перезвонит на следующий день.

«Так... неужели я только что назвала его Дэвидом? Кажется, да. Ох, чтоб тебя...»

В последнее время я часто думала о Дэвиде, и слова Стивена о чувстве безнадежности, которое он испытывал, напомнили мне о том, в чем сознавался Дэвид.

...Дэвиду я предложила оставаться на линии, когда наступит его время. Но ему нужно было нечто большее.

«Я не хочу уходить в одиночку, – признался он. – Мне нужно, чтобы кто-то был там со мной, кто-то, кто, как и я, боится сделать это один».

Никогда прежде ни от кого я не слышала такого запроса. В голове всплыли воспоминания об отвратительном месте, где прошло мое детство, и если бы обстоятельства были иными, я могла бы на пару минут задуматься, – а не присоединиться ли мне к нему? Но у меня была семья, я была нужна Генри. Мой якорь прочно держал меня.

Нужно было подумать. Где, черт побери, я должна была искать желающую принять участие в этом? Нельзя же просто дать объявление на сайте знакомств: «Мужчина 39 лет, приятной внешности, с хорошим чувством юмора, ищет женщину, чтобы вместе совершить самоубийство». Поэтому я вернулась на интернет-форумы, где часто сидела когда-то – в поисках потенциальных кандидаток. Однако трудно поверить кому-то, кто прячется за аватаркой, а тем более завербовать его.

Потом в дело вступила удача – или судьба, – и в нашей жизни появилась она. Молодая женщина, носящая ребенка и страдающая от жестокой предродовой депрессии. У нее возникали мрачные мысли, и чем дольше продолжалась беременность, тем сильнее становилась убежденность женщины в том, что она будет ужасной матерью. Она считала, что у мужа роман на стороне, потому что он тайно звонил кому-то, а с их совместного счета стали пропадать значительные суммы денег. Задерживался на работе дольше обычного, а поскольку она стала толстой и чрезвычайно непривлекательной, то полагала, будто он ищет отношений с другой женщиной. Мне было все равно, действительно ли он изменял ей или нет. Просто тот факт, что женщина верила

в измену и от этого лишь глубже увязала в депрессии, играл мне на руку.

При других обстоятельствах я могла бы предложить, чтобы она дождалась родов, прежде чем давать волю своим суицидальным мыслям. Но мне был нужен кто-то, подверженный манипуляциям и готовый принять мое предложение, – а она идеально подходила под это.

Еще я отчетливо сознавала: она нужна мне больше, чем я нужна ей. Поэтому обращалась с нею аккуратно и использовала все трюки, чтобы подтолкнуть ее в правильную сторону. Взяла дополнительные смены и предложила звонить до тех пор, пока не отвечу именно я. Посоветовала перестать принимать ту малую дозу антидепрессантов, которую прописал ей врач – чтобы лекарства не придали ей искусственного оптимизма. Намекнула, что неплохо бы дистанцироваться от друзей и блудного мужа. Направила ее на хорошо знакомые и тщательно отобранные интернет-форумы самоубийц – чтобы показать: она не одна. Спустя три недели напряженных разговоров, исследований и манипуляций она была готова встретиться с Дэвидом. И за семь дней до их встречи мы перешли на неотслеживаемые мобильные телефоны без предварительной абонентской платы.

Первый и единственный раз, когда они встретились лично, – в тот день, когда вместе шагнули с вершины утеса Бирлинг-Гэп в Восточном Сассексе. Они никогда не общались по телефону, по электронной почте или посредством эсэмэсок. Ни один из них понятия не имел, как выглядит другой, как звучит, какова причина желания умереть – только то, что им назначена общая судьба. Они верили в меня и друг в друга – мы были тремя друзьями, вместе совершающими прыжок в неведомое.

Слушая по телефону, как они делают свои последние шаги к краю и за край утеса, я испытывала гордость, радость, счастье, предвкушение и возбуждение одновременно – со мной никогда раньше такого не было. Но в глубине души я завидовала тому, что именно она делит с ним этот драгоценный момент. Это чувство терзало меня, когда я увидела сюжет в местных теленовостях. Не смогла заставить себя досмотреть его, увидеть в ней реального человека, поэтому просто переключила канал. Это я положила конец страданиям Дэвида, однако вся слава досталась ей.

Я на несколько секунд закрыла глаза и вообразила, каково было бы держать Дэвида за руку и чувствовать, как его тепло проникает в мое тело, когда мы

вместе делаем этот последний шаг. Я ощущала мягкость его кожи, запах одеколона от шеи, пульс, бьющийся в унисон моему, – и все с такой отчетливостью, как будто я действительно присутствовала там.

– Лора! – раздался сзади раздраженный голос Джанин, вырвав из грез. Мои полные гнева глаза широко распахнулись. – Твой телефон звонит! Ты не могла бы ответить наконец?

Она указала мне на красный мигающий огонек.

– Конечно, – отозвалась я, гадая, каково было бы взять этот телефон со стола и запустить ей в физиономию.

Глава 9

Я нацарапала записку на листке бумаги и перебросила ее на стол Санджаю. Даже со своего места я видела, что пуговицы его рубашки туго натянули петли и в проемы между планками выглядывают клочки темных волос.

Вечно некомпетентная Джанин спутала все расписание и поставила в смену слишком много волонтеров, поэтому в офисе было куда больше народу, чем мне было привычно.

«Почему в кабинете Джанин полиция?» – написала я в записке.

«Понятия не имею», – прожестикнул Санджай. Он брызгался одеколоном с удушливым запахом, однако это почти не помогало замаскировать запах его тела. Я оглянулась на Мэри, тоже сидевшую сегодня на звонках, и подняла брови, но та покачала головой.

Мне полагалось слушать овдовевшую пенсионерку, которая жаловалась на невыносимое одиночество. Но мое внимание было поглощено офицерами в форме, беседовавшими с Джанин.

От их присутствия мне становилось не по себе – не имело ли это какого-либо отношения ко мне? Не заявил ли Стивен на меня в полицию? Неужели инстинкт подвел меня и я слишком далеко – и слишком скоро – зашла в разговор с ним? Я предполагала, что когда-нибудь такое может случиться. И достаточно будет обвинений со стороны одного-единственного человека, чтобы уничтожить мою репутацию.

«Ты в норме?» – написал мне в ответ Санджай. Я ненавидела общаться текстом, если только этот текст не был на экране телефона. И даже тогда он становился для меня всего лишь терпимым.

«Да, просто шумно!» – написала я и добавила смайлик.

Мне хотелось взять свою сумку и потихоньку смыться. Но нужно было точно знать, относится ли ко мне то, что происходит в кабинете Джанин.

Клиентка начала причитать о том, что двое детей совсем бросили ее, но мой взгляд был прикован к двум молодым полицейским, пившим кофе из кружек и заедавшим его моей выпечкой. Я подалась вперед и вытянула шею, пытаюсь разобрать их приглушенный разговор, однако понять что-либо мог лишь чтец по губам.

Я ощутила, как узел у меня в желудке разрастается до размеров арбуза, и быстро воспроизвела в памяти оба своих разговора со Стивеном. Уверена, что не сказала ему напрямую о своей готовности поддержать его суицидальные стремления. Я слишком осторожна, чтобы ляпнуть нечто подобное. Так что если он меня и обвинит, то будет лишь его слово против моего.

Британские законы в 1961 году исключили самоубийство из числа уголовно наказуемых деяний, поэтому попытка лишиться себя жизни перестала быть преступлением. Однако поощрять чье-то самоубийство или способствовать ему – это уже другое дело, и долгом полиции было расследование подобных обвинений. Максимальным наказанием за подобное, если вина будет доказана, служило тюремное заключение сроком в четырнадцать лет. Генри ни за что не выживет без меня так долго.

Чем дольше я смотрела на полицейских, тем сильнее моя изначальная паника сменялась гневом. Что я такого неправильного делала? Я только помогала

людям, как и было положено в «Больше некуда». Конечно, у меня были свои планы, но я сама поставила ограничение: никаких детей, подростков или умственно неполноценных – все остальные, будучи в здравом уме, могли сами принимать решения... с моей помощью, конечно. Если бы моральный компас нашего общества не барахлил, меня могли бы вознаградить за ту помощь, что я оказывала несчастным. Люди – худшие враги сами себе, когда пытаются продлить жизнь, какой бы жалкой и безнадежной она ни была. И мое дело – спасти их от них же самих.

Однако бессмысленно пытаться объяснить такое Джанин или полиции; они лишь извратят это, чтобы использовать против меня. Социальные работники, воспитатели, врачи... в прошлом все осуждали меня, и все были неправы. Не стану сидеть и смотреть, как история повторяется.

Когда они ушли, я увидела, как Санджай входит в кабинет Джанин, и жалела, что не могу заткнуть клиентку, чтобы последовать за ним немедленно.

– Они нашли наш номер в телефоне у еще одной покойницы, – начал Санджай.

– У кого?

– У молодой матери, умершей от передоза героина.

«А, Шантель».

Я бог весть сколько раз говорила с ней, подводя ее к смерти, но меня невозможно было отследить по ее звонкам. Клиенты доверяли нам, потому что мы защищали их анонимность и не могли проследить номера телефонов. Не существовало прямой линии и дополнительных номеров. На основании кода стационарного номера, с которого был совершен звонок, или GPS-координат мобильного, вызовы, поступающие на федеральную линию «Больше некуда» перенаправлялись в ближайший филиал организации. И отвечал на звонок тот из операторов, кто был сейчас свободен. Если все операторы филиала были заняты, звонок перебрасывался в одно из четырех соседних графств. Полиция, должно быть, предположила, что раз Шантель жила здесь, то мы и принимали ее звонки.

– Сколько смертей уже связали с нами? – спросил Санджай у Джанин.

– Согласно протоколам, – начала та, пролистывая папку с распечатками, – вместе с этим случаем будет двадцать четыре смерти в Нортхэмптоншире за последние пять лет.

Как бы мне ни хотелось, я не могла взять на себя ответственность за все эти случаи.

– Хм-м, тогда получается немного выше среднего уровня, – прикинул Санджай.

Джанин была слишком занята тем, что ее компьютер отказывался принимать пароль.

– Чертова штука! – прорычала она.

– Твои инициалы, твоя фамилия и четырехзначное число, которое ты сама задала, – напомнил ей Санджай. Я запомнила цифры, которые она внесла в список, озаглавленный «Пароли», на своем «Айпэде», прежде чем сунуть его обратно в уродливую оранжевую сумку.

– Не понимаю, чего от нас хочет полиция, – произнесла я. – Они знают, что перед нами не стоит задача отговорить людей или поколебать их уверенность. Мы здесь лишь для того, чтобы слушать.

– Спасибо, Лора, я и без тебя прекрасно знаю, чем мы занимаемся, – чопорно ответила Джанин. – Они расследуют потенциальное дело против наркоторговца, с которым эта женщина состояла в отношениях, и хотят узнать, не говорила ли она о нем кому-либо из нас. Я напомнила им, что все, о чем говорится в разговоре с клиентом, – строго конфиденциальные сведения.

Шантель много раз говорила мне о нем. Если б он постоянно не подрывал ее уверенность в себе и не снабжал героином, наши пути могли бы никогда не пересечься. В благодарность я была обязана молчать.

– Сколько раз она звонила? – спросил Санджай.

– Девятнадцать раз в течение нескольких недель перед смертью, – ответила Джанин и достала из ящика своего стола упаковку бисквитов, на которой

виднелись слова «без глютена, без молочных продуктов». – Если она дозвонилась до нашего филиала, кто-нибудь должен был запомнить ее. И они должны знать, что мы не поощряем клиентов вести беседы только с кем-то одним из нас. Другой оператор может предложить иной настрой, который поможет клиенту больше, чем предыдущий.

– Быть может, следует разослать всем операторам напоминание об этом? – предложила я.

Джанин наградила меня еще одним уничижающим взглядом, поэтому я вернулась в свою выгородку, мысленно желая начальнице неизлечимой болезни. Не короткой, быстро развивающейся и сводящей в могилу за пару месяцев, а долгой, мучительной, которая пожирала бы эту суку заживо.

Похоже, я едва разминулась с опасностью. Мне нужно было принять меры предосторожности, дабы защититься, поэтому я пообещала себе, что пока откажусь от подбора будущих кандидатов. Но только после того, как завершу работу со Стивеном.

Существовало пять правил, соблюдения которых я ожидала от каждого кандидата, дабы наши отношения оказались эффективными, – и Стивен не станет исключением, если сделает третий, важнейший звонок.

Первое правило: весь контроль у меня. В конечном итоге решение жить или умереть принимает сам кандидат, и я ничего не могу с этим поделать. Но мне нужно дать понять, что без моей помощи попытка покинуть этот мир с минимальным шумом, скорее всего, окажется провальной.

Я приводила статистику, чтобы доказать свою правоту: тот факт, что три четверти людей, пытавшихся покончить с собой, остались в живых, поскольку были плохо подготовлены. Мысленно они, возможно, и были готовы, но если считали, что могут просто перерезать себе вены или повеситься на дереве – и дело в шляпе, игра окончена, то ошибались. Безболезненные романтические самоубийства случаются только в телевизионных драмах. Если сделать что-то неправильно, такая попытка просто искалечит человека и лишь ухудшит его жизнь.

Мое второе правило: кандидат должен верить мне, потому что я лучше знаю. В том, что касается способов и средств, я просто ходячая энциклопедия. Я проводила исследования. Прочла все о доступных человеку методах в интернете, в библиотеках и в медицинских справочниках. Я посещала дознания по делам о самоубийствах и училась на примерах успешных и провальных попыток.

Я знаю, как спрыгнуть даже с относительно низкого моста или здания с наиболее высоким шансом на смертельный исход, – а ведь даже падение с высоты семи этажей в изрядном количестве случаев не приводит к гибели, если сделать это неправильно. Знаю самые эффективные сочетания обезболивающих и снотворных и какие страны их свободно поставляют. В каких строительных магазинах продаются самые крепкие и качественные веревки и на какой узел их следует завязать. Как можно разбиться насмерть, упав в воду с большой высоты и на какую длину следует отпилить ствол дробовика, чтобы сунуть его в рот и при этом достать пальцем до спускового крючка. И даже чем лучше его пилить. Как надежно закрепить шланг на выхлопной трубе машины. Как задохнуться, как задушить себя и в каких местных водоемах волны и течения достаточно сильны, чтобы унести тебя. Потому что я эксперт.

Третье правило: кандидат должен согласиться сделать это в течение пяти недель после нашего договора. Если он к сроку не мог привести свои дела в порядок, я понимала, что кандидат колеблется, – и разрывала сделку. Второго шанса я не давала. Не люблю зря тратить время.

Правило четвертое: кандидат должен оставить основную часть повседневной работы мне. Как только мы останавливаемся на предпочтительном методе, я планирую все подробности. Выстраиваю череду событий с таким вниманием к мелочам, которое не обеспечит никто другой. Время, место, стоимость материалов, где их приобрести... нет ничего, о чем бы я не подумала. Все, что требуется от кандидата: не упоминать никому и нигде обо мне и наших отношениях. Ни при каких обстоятельствах они не должны записывать мое имя или название «Больше некуда» – ни на бумаге, ни в заметках на своем телефоне.

Мое пятое и последнее правило: в обмен на все свои усилия я требую от кандидата только одного – полной откровенности. Ожидаю, что, прежде чем наши пути разойдутся, он расскажет мне о себе все, без умолчаний. Хочу услышать его самые драгоценные воспоминания, самые темные думы, самые большие сожаления, самые грязные секреты, все недостигнутые цели; хочу

услышать обо всех, кого он оставляет позади: кому эта смерть причинит больше всего боли, а кому будет все равно. Хочу знать все о его повседневной жизни и о той стороне этой жизни, которую он скрывает даже от своих лучших друзей.

Я рада пасти свое стадо на тучных пастбищах, кормить его отборным зерном, поить ключевой водой и давать отдыхать под солнцем – сделай это, и у тебя на столе всегда будет самое вкусное мясо. Если я действительно знаю, чем дышит кандидат, то его последний вздох для моих ушей бывает слаще, чем любой другой звук на свете.

Глава 10

Пять месяцев после Дэвида

После возвращения из пансионата Генри и до начала работы в «Больше некуда» я завернула в одну из городских кофеен.

– Здесь или с собой? – без малейшего интереса пробубнил юноша за стойкой. Его лицо было мне знакомо, но я не могла понять откуда.

Я посмотрела на часы – до начала смены еще было изрядно времени.

– Здесь, – ответила я. Он наполнил кружку латте, потом закатил глаза, когда я попросила ложечку.

Я выбрала место в середине людного зала и села, крепко зажмурившись и внимательно прислушиваясь к разговорам посторонних людей, которые собрались за круглыми столиками со всех сторон от меня. Если сосредоточиться достаточно сильно, можно было отсечь все остальные шумы: жужжание кофемашины, гудение посудомойки и даже звуки радио – так, чтобы я слышала только диалоги между посетителями.

Именно та энергия, которой я заряжалась от подобного выслушивания кусочков чужой жизни, и заставила меня предложить свои услуги «Больше некуда». Я вспомнила, как Элис, которой тогда было четыре года, сидела в гостиной и

раскрашивала картинки с деревенской живностью на листах бумаги, разбросанных по всему кофейному столику. Девятилетняя Эффи занималась домашним заданием по математике. Я сидела на диване и делала вид, будто присматриваю за ними, хотя, следует признать, меня больше интересовал просмотр сообщений на форумах самоубийц. Было приятно знать, как сильно я помогаю людям, поощряя их оборвать свои страдания. Со временем я получила определенную репутацию в темных уголках Сети: меня считали своеобразной палочкой-выручалочкой, способной дать полезный и подробный совет относительно лучших и худших способов самоубийства – на основании проделанных мною исследований. Я даже заслужила прозвище «Героиня с линии доверия». Это позволяло мне чувствовать себя нужной.

Но участники форумов были преходящими и анонимными. Они были разбросаны по всей стране, если не по всему миру, и когда переставали постить свои сообщения, я не могла узнать, сделали ли они это потому, что исполнили свои угрозы и покончили с собой, или же им просто надоело, они передумали и перестали ходить на форумы. Редко удавалось узнать, что произошло; в общем, это меня не удовлетворяло.

На форумах не хватало живого человеческого общения. Читать набранные на клавиатуре слова – это совсем не то, что слышать страдание в голосе человека. Мне нужно было впитывать их горечь, их беспокойство, отчаяние, смятение. Поэтому, прочитав в местной газете, что на линии доверия «Больше некуда» не хватает операторов-волонтеров, я задумалась: не могу ли применить свои таланты и знания в этом важном новом направлении.

Любопытство заставило меня набрать номер, чтобы узнать из первых рук, чем их советы отличаются от моего прямого и честного поощрения в интернете. Я придумала историю о том, что якобы чувствую себя отчаянно одинокой и всерьез расцениваю возможность прервать свою жизнь. Вот только никаких советов не было. Вместо этого женщина из «Больше некуда» предложила мне спокойные, заботливые слова, время и возможность поговорить и разобрать мои проблемы. Мэри до сих пор понятия не имела, что тогда она разговаривала по телефону именно со мной...

Было что-то притягательное в том, чтобы сделать этот первый звонок и услышать ее ужасный, беспристрастный, успокаивающий голос. Поэтому в следующие две недели я звонила снова, снова и снова – и сталкивалась с тем же самым отношением разных волонтеров. Я проверяла эти несчастные заблудшие

души под разными предлогами, называя причинами моих несчастий долги по кредитам, насилие, измены мужа, сексуальные домогательства в детстве и ужасы войны. Мне было любопытно, как долго они смогут выдерживать этот слащавый тон, прежде чем их маски слетят и они скажут мне то, что в действительности у них на уме. Но этого не произошло. Ни разу.

И именно поэтому «Больше некуда» нуждался во мне – в ком-то, кто предложит клиентам альтернативную точку зрения, правильное восприятие их трудностей. Я готова была ради правильных кандидатов приложить усилия и, если это потребует, предложить им участливое сопровождение до самой финишной черты...

Пробили часы на стене кафе, и я открыла глаза. Поставив пустую кружку на стойку, получила вялую улыбку от юного баристы. Прочла на его бейджике имя «Том», и неожиданно в голове у меня щелкнуло – его фотографии я видела в телефоне Эффи. Он просил присылать ему снимки в полуобнаженном виде.

Настроение испортилось. Я направилась через центр Нортхэмптона к офису. Склонив голову и держа в руке телефон, вошла в учетную запись дочери на «Фейсбуке». На этот раз в ее входящих было фото, присланное Томом, – он, совершенно голый и возбужденный, стоит в интерьере, подозрительно напоминающем служебные помещения той самой кофейни, где я только что побывала. Я была в ярости: и на него, и на Эффи – за то, что она не удалила это сообщение. Семнадцатилетний парень посылает четырнадцатилетней девочке порнографические снимки!

Если б я сообщила об этом в полицию, его, скорее всего, просто слегка пожурили бы. Поэтому я взяла дело в свои руки.

В том, что касается молодых людей и соцсетей, не существует ничего конфиденциального. Поэтому если Том с такой готовностью делится подобными изображениями и готов к похвалам, посмотрим, что он скажет, когда весь мир будет оценивать его по его весьма скромным гениталиям. Он оказался достаточно глуп, чтобы не скрыть свое лицо на фотографии, поэтому я скопировала изображение и с анонимной учетки в «Твиттере» отослала международной сети кофейных заведений, принявшей его на работу, проставив имя и адрес того филиала, где он работал и сделал снимок.

Потом вошла в фальшивую учетную запись на «Фейсбуке», которую создала, чтобы исследовать личные профили кандидатов, если они расскажут о себе достаточно много. Разместила фотографию Тома в его собственной хронике на всеобщее обозрение, потом – в хрониках всех его однофамильцев из списка друзей. Сбросила снимок на страницу школы в «Фейсбуке» и вдобавок на все странички, созданные родителями для каждого отдельного класса. Потом снова вошла в учетку Эффи и разместила это же фото на ее странице. В довершение сменила пароль, чтобы она не могла удалить изображение.

К тому времени, как дошла до офиса, я была уже вполне удовлетворена: после такого отношения Эффи с этим парнем развиваться «больше некуда».

Глава 11

В предвечерний час в коридорах, ведущих от послеоперационного отделения Нортхэмптонской больницы, царил зловещая тишина.

Я пропустила часы посещения, но это не помешало проникнуть туда незамеченной, чтобы узнать, есть ли какие-нибудь улучшения в состоянии Олли.

За годы мы побывали в этом здании много раз, по самым разным причинам, характерным для бездомных. Гепатит В, бронхит, нагноение мозолей на ногах, нарывы на деснах и, чаще всего, ранняя стадия цирроза печени, развившегося у Олли от постоянного злоупотребления алкоголем. Теперь его уложил в больницу туберкулез – прямой результат ослабления иммунной системы, вызванного ВИЧ-инфекцией. Каждая болезнь ускоряла течение остальных, все сильнее разрушая его тело.

В его медицинских записях я была указана как контактное лицо для экстренных случаев. Тони не понимал, для чего мне оставаться рядом с Олли, какое бы несчастье или следствие собственных поступков ни привели его на больничную койку. Муж много раз советовал мне «сделать лучше для себя» и отречься от Олли. Но я не могла.

Дверь в бокс была заперта, чтобы предупредить распространение инфекции, поэтому я посмотрела в одно из окошек, идущих по трем сторонам помещения – но так и не смогла разглядеть Олли. В прошлый раз у него возникли трудности с дыханием, поэтому, пока он был погружен в глубокий лекарственный сон, эту тяжелую работу за него выполнял какой-то шумный аппарат. Лицо Олли было закрыто пластиковой маской, в горло вставлена трубка, заставлявшая грудь подниматься и опадать. Смотреть на это было больно.

Ведя жизнь на улице, в суровых условиях, он носил на себе множество слоев одежды. Говорил, что проще таскать все на себе, чем оставлять где-то, рискуя, что украдут. Я вспомнила, каким тощим и беззащитным он выглядел в одной лишь тонкой синей больничной пижаме – тело почти не приминало матрас. Я сидела возле его постели по нескольку дней в неделю, как сидела с Генри, когда тот болел пневмонией, и гадала, насколько большую часть своей жизни мне суждено провести, глядя, как люди, которых люблю, сражаются за жизнь.

Снова осмотрела бокс; может быть, я не узнала Олли, потому что санитарки вымыли его? Скорее всего, искупали, подстригли волосы и сбрили бороду... Он терпеть этого не мог. Ненавидел любое сходство с тем мальчишкой, вместе с которым я жила в приемной семье.

* * *

Наша приемная мать Сильвия Хаггс была величайшей манипуляторшей из всех, кого я знала. Единственным положительным опытом, который я получила за время пребывания в ее доме, было умение убедить весь мир в том, что ты обладаешь качествами, которые в тебе хотят видеть, когда на самом деле ты совсем другой человек.

Она убеждала всех, будто делает важное дело: обеспечивает безопасное убежище для приемных детей – за много лет их набрался не один десяток. Но те, кто оказался на ее попечении, знали: мы здесь для того, чтобы служить ее целям.

Даже сейчас помню привкус страха, который подкатывал к горлу, когда я, невольно замедлив шаг, огибала угол и видела впереди дом, где находилась ее квартира. Когда надвигались выходные, я с ужасом думала о возвращении в обветшалое десятиэтажное здание из серого бетона. Оказаться в другой школе,

без друзей и знакомых, было все-таки предпочтительнее, чем все выходные провести в обществе Сильвии.

Я могу поминутно вспомнить свои последние выходные вместе с Олли, прямо с того момента, когда вечером в пятницу поднялась по лестнице и задержала дыхание, прежде чем взяться за дверную ручку. Скрестив пальцы, я надеялась, что Олли уже будет дома, но в квартире было тихо.

В социальных службах зарегистрировали, что мы проживаем в соседней квартире. Это было жилье с хорошей отделкой, с двумя просторными комнатами, набитыми игрушками, и с кухней, где стоял холодильник, полный еды. Однако нам редко позволялось заходить туда – только когда соцработники предупреждали о своем визите, дабы проверить наше благополучие. «Говнополучие», как прозвал это Олли. Квартира, где мы жили на самом деле, была совершенно иной.

Я пинками расчистила себе путь среди старых газет и пакетов с хламом, которыми был завален коридор, и открыла холодильник, слыша, как урчит у меня в желудке. Но, как бывало чаще всего, там не оказалось ничего, кроме перегоревшей лампочки и зарослей инея. Впрочем, нашлась одинокая пицца с сыром и томатной пастой, и я поставила ее в духовку.

Я как раз резала ее на равные ломтики, когда открылась дверь и в квартиру вошли Сильвия с Олли. Мое сердце упало. По затуманенному взгляду на его лице я поняла, куда она водила его. Он взглянул на меня полуприкрытыми глазами и попытался сделать вид, будто всё в порядке, но мы оба знали, что его бездумная улыбка маскирует нечто иное. В свои четырнадцать лет Олли вплотную подошел к резкому скачку роста, однако казался намного младше из-за низкого роста и худобы. Я тоже была слишком маленькой для своих тринадцати лет. Он проковылял в свою комнату и закрыл за собой дверь.

– Как дела в школе? – спросила Сильвия, выхватывая у меня ломоть пиццы и всасывая его – словно змея, глотающая мышь. Когда футболка задралась, я заметила на ее животе свежие проколы. Должно быть, она отчаялась найти на своих руках или ногах вены, которые еще не схлопнулись. Сильвия всегда носила одежду с длинными рукавами, чтобы скрыть факт своей героиновой наркомании.

– Всё в порядке, спасибо, – ответила я.

– Хорошая девочка, – отозвалась Сильвия, потом закурила косяк и направилась в гостиную. – Пойду отдохну немного.

Я подождала, пока она включит телевизор, потом на цыпочках прокралась к комнате Олли и тихонько толкнула закрытую дверь. Я ненавидела закрытые двери. Он резко проснулся и прижался спиной к стене, словно загнанное в угол животное.

– Всё в порядке, это я, – прошептала я. – Я принесла тебе пиццу.

– Спасибо, – сорванным голосом прохрипел Олли, постепенно успокаиваясь.

Мы молча поедали пиццу с одной тарелки, и я изо всех сил старалась не замечать синяки на его запястьях и шее и корочку крови, запекшуюся в ноздрях. Я увидела красные пятна на его трусах, которые он вместе с джинсами оставил валяться на полу неаккуратной кучкой. Но знала: не следует спрашивать, что случилось и кто в этом виноват.

Олли медленно уплывал в сон под звуки радио, громко игравшего у соседней за стеной. Я пристроилась рядом, загородив спиной его тощее тело. Теснее прижавшись, перебросила его руку поверх моей груди.

– Я люблю тебя, Олли, – прошептала я, зная, что вместе нам безопаснее, чем врозь.

* * *

– Здравствуйте. Миссис Моррис, верно?

Голос доктора Котниса развеял туман воспоминаний. Я не расслышала его приближения и отпрянула, когда он похлопал меня по плечу.

– Что привело вас в наше отделение?

– Здесь мой друг Олли.

– А, верно, – ответил доктор Котнис с озадаченным выражением лица. – Не знал, что он поступил к нам.

– В прошлый раз, когда он был здесь, вы сказали, что ему нужно серьезно изменить свою жизнь и что его будущее внушает вам сильное беспокойство. Так вот, не знаю, что еще я могу сделать. Умоляла его начать постоянный мониторинг иммунных клеток, перестать пить, даже предлагала ему пожить у меня дома, в тепле и чистоте... Но он отказывается.

Губы задрожали, я поджала пальцы на руках и ногах, чтобы не заплакать. Доктор Котнис сочувственно кивнул, как будто понимал мои проблемы и видел такое уже много раз.

– К несчастью, это практически все, что вы можете сделать, – с печальной улыбкой ответил он. – Я могу попытаться поговорить с ним еще раз, если хотите.

– Да, прошу вас.

– Хорошо, предоставьте это мне. – Доктор Котнис улыбнулся еще раз и оставил меня в одиночестве возле бокса Олли.

Я ушла, так и не увидев Олли, но надеюсь, что он смог почувствовать мое присутствие.

Глава 12

Пять месяцев и одна неделя после Дэвида

В конференц-зале деревенской ратуши в Грейт-Хутоне собрались примерно тридцать участниц Нортхэмптонширского женского круга. Они толпились у стола, на котором стояли поднос с бисквитами и термопот с горячей водой, и бросали чайные пакетики и ложечки растворимого кофе и сахара в разномастные кружки – большинство так, словно уже одной ногой стояли в

могиле. Они пришли послушать, как мы с Мэри рассказываем о своей волонтерской работе в «Больше некуда».

Джанин отправила меня сюда вместе с Мэри исключительно по своей злобности. Она отлично знала, что моя зона комфорта распространяется только на общение с местными бизнесменами, получение грантов Национальной лотереи и организацию распродаж выпечки и поделок. И уж точно не на присутствие на сборище дряхлых развалин.

Мэри с ними было проще, чем мне. Чаще всего мне было не по себе в присутствии пожилых людей, словно мудрость и опыт, накопленные за годы жизни, давали им возможность видеть меня насквозь. Однако Мэри была исключением. Я могла оказаться маньячкой, которая перережет всех присутствующих в этом зале, но она все равно видела бы во мне что-то хорошее.

Мы сидели рядом в пластиковых креслах, стоящих перед аудиторией. Я смотрела на Мэри, а та при помощи цветных карточек запоминала, как именно зовут ту или иную женщину, к которой она хотела обратиться. Ее голос был уверенным, как будто ей было совершенно комфортно в обществе себе подобных, в то время как мне больше всего хотелось снова оказаться в нашем офисе и ждать следующего звонка.

Прошло больше пяти месяцев с тех пор, как я помогла Дэвиду, и мне уже не терпелось взяться за новую задачу. Стивен, как я полагала, соответствовал всем условиям, вот только он все еще не позвонил в третий, решающий раз.

В идеальном мире я выбирала бы только по одному кандидату за раз. Но иногда, словно разные автобусы к одной остановке, два кандидата могли прибыть одновременно, и работать с ними было утомительно. Так было с Майклом и Еленой из числа первых. Он был мужчиной средних лет и с последней стадией рака простаты. Вечером в понедельник он удушил себя при помощи пластикового пакета и контейнера с бензином. На следующее утро Елена приняла смертельную дозу обезболивающих. Ей было двадцать с чем-то лет, она завела роман с женатым мужчиной, отцом двоих детей, который постоянно приманивал ее обещанием бросить жену. Я, после того, как помогла ей увидеть, что ее смерть преподаст ему урок, сделала все, чтобы это действительно стало уроком: например, разместила в местной газете заметку в память Елены, подписав ее полным именем и фамилией этого мужчины и назвав умершую «прекрасной возлюбленной».

Мне повезло: похороны Майкла и Елены выпали на один и тот же день и проходили в соседних церквях. Я перешла с одной поминальной службы на другую, и мне еще хватило времени, чтобы прийти в офис вовремя, к началу дневной смены.

– А нужно долго учиться или можно начать сразу отвечать на звонки? – спросила женщина, сидящая в первом ряду. Лодыжки у нее были той же толщины, что и колени. Я хотела сказать ей, что придется пройти множество бессмысленных бюрократических процедур, которые научат тебя идти против инстинкта и слушать, а не советовать. Но я этого не сказала.

– Да, нужно пройти обучение, чтобы подготовиться к тому, что вы можете услышать, – произнесла я. – Иногда поступают звонки от действительно отчаявшихся людей, поэтому нам нужно быть готовыми к чему угодно.

После моего первого собеседования в «Больше некуда» я хорошо подготовилась к следующему и дала на все вопросы психометрических и личностных тестов именно те ответы, которых от меня ожидали. Спрашивали мое мнение обо всем, от аборт до слов смертельно больному другу, который не хочет продолжать лечение. Все это чтобы посмотреть, насколько я беспристрастна, либеральна и способна широко мыслить. Правда заключалась в том, что я пристрастна, но я пошла против своей истинной натуры, потому что от меня хотели не советов, а умения слушать. Только раз я оступилась и произнесла словосочетание «совершить самоубийство». Нам не следовало вообще использовать слово «совершить», потому что оно относится к преступлениям – а самоубийство таковым не является.

Я прошла отбор, а потом началось обучение – по одному дню в неделю в течение почти двух месяцев. Наставницу, Мэри, оказалось легко раскусить. Ее взрослый сын давным-давно покинул родной дом и страну, оставив ее и мужа, который предпочитал проводить время на поле для гольфа, а не с женой. Я чувствовала, что ей пусто, она не видит цели в жизни, и при иных обстоятельствах сразу записала бы ее в кандидаты.

Она заполняла время, оставшееся ей на этом свете, тем, что по-дружески выслушивала жалобы других людей. Фигура у нее была стройнее, чем моя, но Мэри прятала ее под свободной одеждой и следовала девизу времен Второй мировой: «Возьми и почини». Я видела, как она с тихой завистью смотрит на мои

модные наряды, и решила рассказывать ей о том, где их покупаю и сколько они стоят.

Мэри почти не пользовалась макияжем, отчего выглядела еще старше, и все инъекции в мире не могли бы разгладить морщины на ее лице. Она даже не красила свои короткие серебристо-седые волосы, словно больше не видела смысла в том, чтобы прилагать усилия. Обдумывая какой-нибудь вопрос или просто глубоко погружаясь в свои мысли, она двигала челюстью влево-вправо, словно ставя на место ослабевший зубной протез. Я предпочла бы умереть, чем стать такой, как Мэри.

Вместе мы пустились в исследование гипотетических глубин отчаяния, чтобы проверить, как много я знаю о различных типах проблем, которые могут обнаружиться у клиентов. Не в моей натуре пытаться подбодрить кого-то или говорить, что я понимаю их чувства, поэтому не пришлось ломать подобную привычку.

Несмотря на преклонный возраст, Мэри легко обманывалась; в этом-то и проблема тех, кто видит в людях только хорошее. Мне было легко притворяться опечаленной, внимая рассказам о некоторых ужасах, которые она услышала от клиентов. Втайне я дождалась не могла, когда Мэри отпустит поводья, и я смогу стать непосредственной свидетельницей их страданий.

Когда настало время, мне пришлось подавлять свой восторг. Не каждый звонок, поступающий от кого-либо, содержал суицидальные помыслы, но когда я впервые ответила на такой звонок, то вынуждена была сжать кулаки, чтобы не захлопать ладонями по столу, словно морской лев. В течение первых восьми испытательных звонков Мэри сидела в наушниках, чтобы слышать мои разговоры с клиентами. Время от времени она передавала мне листок с запиской, в которой предлагала оптимальную линию разговора, а по завершении звонка проводила со мной беседу и делала конструктивные замечания. Ну, то есть это она считала их конструктивными. С моей точки зрения, это была чушь, не стоящая потраченного времени. В конце концов, когда мне удалось как следует запудрить ей мозги, она сняла с меня все ограничения и отпустила в свободное плавание.

У нас есть много правил, и даже сейчас я в основном следовала им. Нельзя сказать, чтобы я была согласна со всеми этими правилами, однако не было смысла пытаться нарушать их просто ради нарушения. Держись в рамках, и

никто никогда не поймет, что у тебя на самом деле на уме. Чтобы обезопасить себя, я выждала три или даже четыре месяца, прежде чем начать играть по собственным правилам.

Я не забросила интернет-форумы окончательно. Я еженедельно заходила туда и отвечала на кое-какие вопросы или продолжала разговаривать с людьми, с которыми уже начала беседу. Но «Больше некуда» дал мне то, чего не могли дать форумы.

– О чем вы думаете, когда идете вечером домой? – спросила меня женщина, сидящая в дальнем ряду конференц-зала на собрании Нортхэмптонширского женского круга. – Вас беспокоит то, что стало с людьми, с которыми вы говорили?

Я не забываю ничьи голоса – и сразу узнала этот. Она звонила мне раньше, жалуясь на долги по кредитной карте. Однако явно потратила деньги не на то, чтобы привести в порядок свою внешность.

– Некоторые из них остаются с нами дольше, чем другие, – ответила я и подумала о Дэвиде. Его похороны и похороны той женщины, с которой я его свела, были единственными, на которые я не пошла. Даже не видела фотографий этих людей. И все же Дэвид оставил в моей душе куда более глубокий след, чем кто бы то ни было еще.

Глава 13

Ненавижу этот дом.

Я обвела взглядом помещение открытой планировки, полное почти неиспользуемых предметов. Крутой телевизор с диагональю в пятьдесят два дюйма, включавшийся крайне редко, обеденный стол на восемь мест, за которым никто никогда не ел, два угловых дивана, где почти не сидели. Наша кухня стоимостью в 20 тысяч фунтов была снабжена фирменным встроенным оборудованием, столешницы сделаны из искусственного акрилового камня, а полы вымощены итальянской плиткой под мрамор. Всему этому не исполнилось

и двух лет – такое красивое, чистое, но такое ненужное... В этом доме было все, что могло понадобиться семье, – кроме любви. По сути, как ни старалась, я не могла вспомнить, когда все мы пятеро в последний раз собирались под одной крышей. Чем больше часов я проводила за пределами этого дома, тем более мрачными казались стены, тем сильнее я ненавидела здание за то, что оно изменило все.

Тишину нарушило чихание – кот, который до этого спал, свернувшись клубком на подоконнике, чихнул и этим разбудил сам себя. Я считала, что только собаки с энтузиазмом приветствуют своих хозяев, когда те возвращаются домой. Но Бибер всегда стрелой летел через дом, едва услышав, как машина Тони въезжает на подъездную дорожку. Как только входная дверь открывалась, кот принимался мурлыкать и тереться головой о лодыжки Тони, и в награду получал больше внимания, чем муж теперь уделял мне. Сегодня Бибер разделял ожидание со мной. Я заняла место у кухонной стойки, глядя на духовку. Понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, что я вообще готовлю.

Я отправила всем трем групповое сообщение в «Вотсапе», чтобы узнать, на связи ли они. Никто не ответил – как будто пребывали где-то, где не ловит ни вай-фай, ни сотовая связь. Я всегда оставляла почту аккуратно разложенной на кухонном столе, но поскольку теперь она лежала в некотором беспорядке, я предположила, что Тони просмотрел ее.

Я включила радио на волне своей любимой радиостанции с музыкой восьмидесятых. Уитни Хьюстон вопрошала: «Откуда мне знать?», дуэт «Юритмикс» интересовался: «Кто эта девушка?» а Карли Саймон спрашивала: «Почему?»[5 - Имеются в виду песня Уитни Хьюстон «How Will I Know», песня британского поп-дуэта «Юритмикс» «Who's That Girl?», песня популярной в 70-80-е гг. автора-исполнительницы Карли Саймон «Why»]. В прежние времена задавали множество вопросов. Все, что я хотела знать, – где моя семья?

Когда начались шестичасовые новости, я предположила, что Тони уже покинул офис и направился в спортзал, чтобы как следует избить боксерскую грушу. Он, вероятно, тренировался к очередному состязанию по боксу среди офисных работников – коллеги-единомышленники регулярно устраивали такие хорошо организованные матчи. Когда отношения в нашей семье стали натянутыми, Тони стал проводить на тренировках все больше и больше времени. Хотя он четко и недвусмысленно дал мне понять, что не желает моего присутствия на его боях, я ничего не могла с собой поделаться и тайком пробиравалась в зал, стоя в тени и

ощущая нарастающее возбуждение от каждого удара, который Тони наносил своему противнику.

Элис, вероятно, все еще находилась в группе продленного дня, попозже ее заведет домой мама подруги. Эффи наверняка плакалась подругам насчет Тома, по всей видимости, возложившего на нее вину за публичный позор – когда селфи в обнаженном виде оказалось разослано всем и каждому. А может быть, Тони повез девочек есть пиццу – без меня... Не стала бы исключать подобную вероятность.

Я мало-помалу привыкала видеть, как мои родные общаются друг с другом, в то время как я оставалась где-то в стороне, словно второстепенный персонаж в собственной театральной постановке. Нельзя полностью винить в этом девочек – Тони взял на себя организацию праздников в честь дней рождения и различных поездок; он слишком баловал дочерей, уделяя чересчур много времени, чтобы выслушивать все подробности их повседневной жизни. Этим он оказывал на меня огромное давление, вынуждая поддерживать иллюзию интереса к их рассказам – иначе я выглядела бы совершенно равнодушной матерью. Вот только я не могла притворяться так же убедительно, как мой муж.

Дистанция между мной и Тони увеличилась с крошечной трещины до пропасти вскоре после того, как у меня обнаружили рак. Он не удостоивал меня даже короткого поцелуя в щеку, когда проносился мимо меня по лестнице. Я напоминала ему о том, как хорошо он выглядит в своем спортивном костюме, а потом притворялась, будто мне не больно не слышать ответные комплименты. Даже делала вид, будто мне нравится вытатуированный «рукав», постепенно распространявшийся по его левой руке от запястья до плеча, хотя втайне ненавидела эти татуировки.

Для мужчины, чей возраст приближался к сорока, Тони был в завидной форме. Когда его друзья приходили в предыдущий наш дом на барбекю и он надевал шорты-карго и майку без рукавов, я видела, как жены друзей строят ему глазки. Их мужья уже обзавелись жирком на боках и пивными брюшками, и при виде Тони все женщины едва ли не открыто пускали слюнки. Когда-то мне было их жалко, но теперь я им завидовала, поскольку располневшие мужья по крайней мере были с ними. Тони не был со мной – он был очень далеко.

Я налила себе еще один бокал «Мерло» из бутылки, купленной в винном интернет-клубе, куда Тони когда-то вступил, да так и не собрался отменить

подписку. Я задавалась вопросом: быть может, если бы была больше настроена на чувства Тони, то сумела бы точно засечь тот момент, когда он посмотрел на меня и решил, что я больше не та женщина, на ком он женился?

В последний раз, когда пыталась спровоцировать его на интимные отношения, я последовала за ним на второй этаж, пока девочки играли с Генри в саду. За несколько недель до этого Тони переехал жить в свободную комнату, но я говорила себе, что это просто из-за стресса и бессонных ночей – он создавал собственный страховой брокерский бизнес. Однако в какой-то момент муж решил сделать эту временную меру постоянной, и это не подлежало обсуждению.

Я подобралась к нему, когда Тони начал переодеваться из офисного костюма в домашнюю одежду, и, прежде чем он успел запротестовать, одной рукой обняла его за талию, а второй скользнула вниз, вдоль ширинки.

– Что ты делаешь? – спросил Тони. Его голос звучал раздраженно.

– Думаю, ты знаешь, – ответила я, запуская руку в его трусы и начиная играть с его яйцами.

– Это риторический вопрос, – произнес Тони. Я чувствовала, что он возбуждается. Но все же пытался сопротивляться и в конце концов отстранил мою руку. Однако я не была готова сдаться, поэтому начала расстегивать блузку. Когда-то Тони считал очень сексуальным, когда я раздевалась, а он оставался полностью одетым. Это заводило его сильнее всего.

– Лора, перестань. Я говорил тебе: у меня нет времени.

– У тебя никогда нет времени, – вздохнула я. – На меня, по крайней мере.

Отчасти я ненавидела себя за то, что по-прежнему желаю физической близости с человеком, который меня не хочет. Но мне хотелось более тесной связи с ним.

– Может, тебе следует уделять больше внимания своим детям и оставить меня в покое, черт побери?

– Что это значит?

Тони не ответил.

– Ты считаешь, будто я провожу слишком много времени в «Больше некуда»? Я могу урезать число своих смен, если хочешь.

– Мне плевать, чем ты занимаешься.

– А когда-то было не плевать. Мы не сможем уладить то, что происходит между нами, если ты хотя бы не попытаешься.

– Некоторые вещи невозможно уладить.

Мне стало нехорошо.

– Не понимаю, почему ты себя так ведешь. Мы женаты уже почти шестнадцать лет. У каждой четы на жизненном пути встречаются ухабы...

– Ухабы? Ты так это называешь, да? – Тони понизил голос, чтобы дети не услышали его через открытое окно. Потом посмотрел на меня с презрением, какого я никогда не видела в его глазах прежде, и прорычал: – Я знаю все о тебе, Лора. Знаю, кто ты такая и что сделала. Знаю все.

Я не сводила взгляда с его лица, и мне казалось, будто ноги у меня вот-вот подломятся. Он не мог иметь в виду то, о чем я думала.

– О чем... о чем ты говоришь? – выдавила я.

– Ты пыталась спрятать от меня свое старое личное дело из соцслужб, но я нашел его и прочел долбаное досье целиком, – отрезал он. – Ты лгала мне с самого начала наших отношений, лгала на каждом шагу. О том, что произошло, когда тебя приняли на попечение в тот дом, где жил Олли... обо всем. Я понятия не имел, на ком женился.

Я сделала шаг назад, ощутив, как тошнота поднимается из желудка в рот. Попыталась притвориться, будто его слова не резанули меня, точно битое

стекло.

– Нечего сказать, верно? – продолжил Тони.

Он был прав: нечего. Я прокляла себя – знала, что совершаю большую ошибку, роясь в прошлом. Но как только получила эти материалы, написанные черным по белому, не смогла избавиться от них, какими бы болезненными и искаженными они ни были. Вместо этого я спрятала досье, чтобы снова и снова перечитывать его содержимое, мучая себя. Вот только Тони тоже наткнулся на него. Это объясняло, почему он так отдалился от меня, почему иногда, когда я смотрела на него с любовью, он взирал на меня с презрением.

...Звук автомобильного двигателя, донесшийся снаружи, резко вернул меня в настоящее. Я вытянула шею, надеясь увидеть машину Тони. Но это всего-навсего приехали соседи – жирная парочка, обитавшая в доме рядом. Тони, вероятно, намерен был дождаться, пока я лягу спать, и только потом приехать домой вместе с девочками.

Звякнул таймер духовки, поэтому я надела рукавицы-прихватки и достала казанок. Сдвинула крышку, чтобы напомнить себе, что готовила запеканку с курицей. Одну порцию отложила себе в миску, остальное оставила на плите – чтобы другие могли подогреть и поесть, если проголодаются. Но, скорее всего, они оставят еду без внимания. Морозильник был набит контейнерами с едой, что я готовила на четверых, но ела в одиночку.

Глава 14

Пять месяцев и две недели после Дэвида

– Если вы видите, что лучше не становится, на какой оптимальный исход надеетесь? – спросила я Стивена.

Как и все мои вопросы, этот был задан заботливым, взвешенным тоном. Но в нем скрывался тайный смысл. Я сосредоточилась на секундной стрелке часов, висящих на стене, отсчитывая время, которое понадобится Стивену для ответа.

Прошло двадцать четыре секунды, прежде чем он заговорил снова:

- Когда однажды утром я просто не проснулся.

- Не хотите просыпаться, - переформулировала я. - Понимаю.

И действительно понимала. Та же самая мысль не раз приходила мне на ум за прошедшие годы - чаще, чем я готова была признать. Только мне хватало сил, чтобы сопротивляться ей.

- Разве не собираетесь спросить, ради чего я живу? - поинтересовался он.

- А вы хотели бы, чтобы спросила? Стали бы слушать, если б я привела какие-нибудь причины?

- Нет, вероятно, нет.

- Тогда не буду убеждать вас. Если вы достаточно долго и упорно думали о том, чтобы покончить с собой, у меня нет права говорить вам, что вы ошибаетесь. Цель «Больше некуда» заключается совсем не в этом. Я не собираюсь делать попытки вытащить вас из ямы; я просто присутствую в этой яме рядом с вами. Вы размышляли о том, как можете это сделать. В первом нашем разговоре упоминали о том, что хотели убить себя, спрыгнув на рельсы перед поездом...

- Передумал.

- О чем же вы думаете теперь?

- О повешении.

Мои глаза вспыхнули. Почти шестьдесят процентов самоубийц выбирают петлю, но мне пока ни один не попадался. Перспектива мгновенно привела меня в восторг. Пока что в моем списке числилось восемь передозировок легальных или нелегальных препаратов, три прыжка с высоты и четыре смерти от потери крови.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы собраться.

– Где бы вы хотели это сделать?

– В спальне. Я живу в коттедже со сводчатым потолком и деревянными балками. Проверял их, подтягиваясь, как на турнике, поэтому знаю, что они выдержат мой вес. Честно говоря, это идеальное место. – Голос у него был оживленный, словно у ребенка, пытающегося произвести впечатление на родителей.

Я была рада услышать голос Стивена, когда он снова нашел меня, хотя это заняло чуть больше времени, чем я ожидала. Похоже было, что он теперь еще серьезнее относится к своему желанию умереть и, похоже, между звонками размышлял, как именно умрет.

Дверь офиса отворилась, и вошла Зои. Она улыбнулась мне, сверкнув испачканными в помаде зубами, и показала поднятый большой палец, потом заняла место через пару столов от меня и открыла свою сумку. Такой я еще никогда у нее не видела – мужская через плечо. Если и были какие-то сомнения в том, что Зои лесбиянка, то сейчас она дала четкий ответ. Я придвинула трубку ближе к губам и стала тщательно выбирать слова, стараясь, чтобы Зои не подслушала меня.

– Почему вы предпочитаете... подобный способ... всем остальным?

– Поскольку полагаю, что это быстро, легко и вряд ли что-то может пойти не так.

Я покачала головой. Именно поэтому таким людям, как Стивен, нужен был кто-то вроде меня. Он наивен. Его метод мог сработать «быстро и легко», только если все правильно учесть и просчитать. Очень многое не взято в расчет. Вот если он спрыгнет с высоты с петлей на шее, то сразу потеряет сознание, и вскоре наступит смерть. Вот что такое «быстро и легко».

Но был шанс, что балки в старом коттедже недостаточно высоки, так что Стивен может спрыгнуть лишь с высоты в несколько футов. Если он сделает это неправильно, смерть будет долгой и мучительной. Мне очень многому нужно было научить его.

– Я купил веревку и учился завязывать узлы по роликам на «Ю-тьюбе», – сообщил Стивен.

- Не думаю, что будет так просто.

- Почему?

Я оглянулась на Зою. Она была поглощена беседой в «Снэпчате», отсылая глупые фотографии себя с кроличьими ушками и собачьим носом какой-то дурочке – такой же умственно незрелой.

- Потому что ваш метод включает в себя множество сложностей – если вы, конечно, остановитесь на нем, – прошептала я. – Но мы можем проработать всё в другой раз, если вы решите придерживаться этого направления.

- Значит, вы поможете мне?

- Как я уже объясняла, моя задача не состоит в том, чтобы пытаться отговорить вас от чего-либо или внушить вам определенный образ мыслей. Я здесь только для того, чтобы слушать.

- А что, если... – Голос прервался.

Я подождала, пока Стивен закончит фразу, но он молчал.

- Дэвид, вы еще на связи? – спросила я.

- Дэвид?

- Извините, хотела сказать – Стивен. – Я с силой ущипнула себя за руку. – Вы сказали «что, если»...

- Что, если вы будете со мной, когда я это сделаю?

Мой желудок совершил кувырок, как делал всякий раз, когда кто-нибудь задавал этот вопрос.

- Если нужно, чтобы с вами кто-то был, то я с радостью выслушаю вас и составлю компанию.

– Я имел в виду – не по телефону.

Фраза застала меня врасплох, и я не была уверена, что правильно поняла. После секундного колебания Стивен продолжил:

– Что, если б я попросил вас, Лора, быть со мной, здесь, в моем доме, когда я повешусь? Вы пришли бы?

Глава 15

Я проспала сигнал будильника, и никто не подумал меня разбудить, так что к тому времени, как я встала с постели, в доме было тихо и пусто.

Я прошла некогда пустовавшую комнату, которую теперь занял Тони, и подумала, удастся ли мне когда-нибудь еще раз ощутить затылком его сонное дыхание рядом, в постели? Задела рукой стену лестничного пролета, и на моем белом халате осталось черное пятно. Ругнулась в адрес стены и бросила халат в стиральную машинку. Пока ждала окончания тридцатиминутного цикла, сидела у кухонной стойки в спортивных штанах и футболке и поглощала земляничный йогурт из двух баночек – Эффи очень любила этот йогурт, но у него быстро истек срок годности. Барабан машинки крутил мой халат то в одну сторону, то в другую. Это было похоже на кручение мыслей у меня в голове после прошлого звонка Стивена.

Все, о чем я могла думать, – о просьбе лично присутствовать при его смерти. В последние тридцать часов, едва я пыталась обдумать одну мысль, ее место занимала другая – но Стивен присутствовал во всех.

Люди часто не хотят умирать в одиночестве. Многие из тех, кому я помогала, выражали свою благодарность, прося меня разделить их последние мгновения – на другом конце телефонной линии. Несколько кандидатов были слишком зациклены на себе, чтобы подумать о моих нуждах, и я узнавала об их смерти только из местных газет. Но никто, даже Дэвид, не просил меня присутствовать лично. До Стивена.

«Что, если б я попросил вас, Лора, быть со мной, здесь, в моем доме, когда я повешусь? Вы пришли бы?» Его вопрос все еще эхом отдавался у меня в голове.

В тот момент я часто заморгала и встряхнула головой, застигнутая врасплох предложением. Потом попыталась снова обрести профессиональное спокойствие.

– Не думаю, что такое уместно, – ответила я.

– Извините, я просто... боюсь, что могу сделать это неправильно. – В его голосе звучало разочарование.

– Понимаю – и, вероятно, на вашем месте чувствовала бы то же самое. Но я могу быть с вами по телефону так долго, как вы захотите.

– Мне нужно, чтобы вы были здесь, сказали бы мне, если я что-нибудь упущу, заверили бы меня, что всё будет в порядке... Присутствовали бы... ну, вы понимаете... в самом конце.

– Боитесь передумать?

– Нет-нет, я не передумую. Просто вы вроде как поняли меня. Вы не похожи на тех психотерапевтов и психоаналитиков, которые пытались рассказать, что мне есть ради чего жить, или накачать меня коктейлем лекарств так, что я больше не мог мыслить ясно. Вы правильно воспринимаете меня.

– Да. – Я была польщена, что он разглядел это.

– Могли бы вы хотя бы подумать об этом?

– Не могу, Стивен. Извините, но вы просите меня сделать нечто незаконное и совершенно неэтичное. У меня могут быть огромные неприятности.

Между нами повисло неловкое молчание; никто не знал, что сказать дальше.

– Вы правы. Извините, мне не следовало просить о таком, – ответил он. – Больше не буду.

– Всё в порядке.

– Мне пора идти, – сказал Стивен и повесил трубку.

Я осталась сидеть словно в оцепенении, прижав трубку к уху и слушая короткие гудки. Рациональная часть моего существа оцетинилась при его предложении. Я была зла на него за то, что он ставит меня в столь сложное положение. Но одновременно ощущала восторг – и это тревожило.

– Всё в порядке, Лора? – спросил Санджай. – Витаешь где-то в облаках...

«Отвали и оставь меня в покое», – хотела сказать я. Мне нужно было немного личного времени и пространства, чтобы обдумать просьбу Стивена.

– Да, у меня только что был тяжелый разговор, – ответила я. – Изнасилование, сам понимаешь.

– Может, пойдешь в комнату для визитов и поговоришь об этом с кем-нибудь?

– Нет, все будет в порядке. Но все равно спасибо.

Я одарила его неискренней улыбкой и направилась в туалет. В умывальной плеснула себе в лицо холодной водой, потом промокнула бумажным полотенцем. Глядя в зеркало, заново нанесла помаду и тональник.

«Конечно, ты не можешь! С чего он взял, что ты так поступишь? Ради бога, ты же мать! Ему-то терять нечего, а ты нужна своим детям и мужу. Ты понятия не имеешь, кто он на самом деле и чем занимается, когда не говорит с тобой по телефону. Он может быть сумасшедшим. Ты не окажешься настолько тупой, чтобы согласиться!»

Стиральная машинка пискнула, уведомив меня об окончании цикла отжима. Я переместила влажный халат в сушилку и сунула в тостер коричный рогалик.

Я приняла правильное решение, когда отказалась. Присутствовать при смерти Стивена было нелепой и опасной идеей.

Глава 16

– Боюсь, не могу найти никаких записей о его пребывании, – начал сотрудник регистратуры, просматривая медицинскую карточку Олли на своем компьютере. – Вы уверены, что пришли в нужную больницу?

– Конечно, уверена! Я что, похожа на умственно отсталую? Я была здесь две недели назад, когда он лежал в общем отделении. Посмотрите еще раз.

Он проверил карточку снова, но смог лишь пожать плечами в знак извинения. Мне хотелось перескочить через стол и броситься на него.

Я пришла к боксу, где лечили Олли, и обнаружила, что его там больше нет. Естественно, испугалась худшего и бросилась к стойке регистрации. Мое облегчение от того, что друг не умер, сменилось злостью на то, что он явно ушел из больницы своевольно.

Из носа текло, злые жгучие слезы струились по моим щекам, пока я бежала обратно к своей машине. Села на водительское место и соскользнула из настоящего в прошлое: на меня обрушились воспоминания о последних выходных, проведенных у нашей приемной матери...

Я вспомнила, что жидкое обезболивающее, которое в то утро Сильвия дала Олли за завтраком, было куда сильнее, чем обычно.

– Это позволит тебе расслабиться получше, – уверила она его, передавая ему бурый стеклянный флакончик и приказывая выпить одним глотком. Олли подчинился и скривил лицо от горечи снадобья.

В том единственном случае, когда он незаметно для нее выплюнул «лекарство», Олли испытал куда более сильную физическую боль, чем ожидал. Потом он говорил мне, что Сильвия заботилась о нем, – словно хотел успокоить меня. Никто из нас не верил в это. Спустя пару минут жидкость подействовала, и конечности Олли обмякли, как будто в них вообще не осталось силы. Тем субботним утром за ним приехал очередной «клиент», но Олли едва это заметил.

Несколько часов спустя он вернулся и забылся беспокойным сном. Я сидела в его спальне, ибо хотела, чтобы, проснувшись, он первым делом увидел лицо человека, которому небезразличен.

Терпеливо ожидая этого, я играла с его машинками и строила из «Лего» дома мечты с большими окнами, окруженные садами. Все это вечером в среду привез в качестве подарков «клиент», прежде чем увезти Олли на несколько часов. Я ненавидела кукол, пластиковых пони и все те игрушки, которые полагалось любить девочкам. Еще ненавидела одежду, в которую меня обряжала Сильвия. В те выходные я не могла понять, почему она настаивает, чтобы я надела красивую юбочку с белыми ромашками по подолу и слишком тесную футболку, которая жала под мышками и подчеркивала легкую выпуклость моей груди.

Ранним вечером Олли проснулся, и мы на полную катушку воспользовались тем, что в гостиной никого не было. Я рассеянно выковыривала крупинки поролоновой набивки из ручек дивана, пока мы пытались угадать, что должно быть на разбитой стороне телеэкрана. Мы любили смотреть программы о путешествиях и воображать, что находимся в каком угодно уголке мира, только не в этой квартире. Однако когда в дверях в конце концов появилась Сильвия, она была не одна. Настроение наше мгновенно упало.

– Скажите «здравствуйте» моим друзьям, не будьте грубыми, – начала Сильвия притворно-ласковым тоном. Чувствуя наше беспокойство, но нуждаясь в том, чтобы мы вели себя хорошо, она бросила сердитый взгляд, однако ни я, ни Олли не ответили. Наше внимание было приковано к трем мужчинам, стоящим позади нее.

Незнакомцы смотрели на нас и улыбались – одними губами, не глазами. Никто в моем мире, кроме Олли, никогда не улыбался глазами. И я начала замечать, что и в его глазах свет постепенно тускнеет. Это огорчало меня. Я сделала его своим якорем, но другие силы волокли его по морскому дну все дальше и дальше. Я чувствовала, как он тащит меня следом.

Я сердито смотрела на непрошенных гостей. Двое из них были темнокожими, с сединой в волосах и бородах, в мешковатой одежде. Третий был белым, худощавым, с безупречной фигурой, в хорошем костюме; его темные волосы были зачесаны назад. Помню, я подумала тогда, что никогда не видела настолько сверкающих ботинок.

– Олли, мои друзья хотят узнать, не желаешь ли ты покататься с ними на их машине, – продолжила Сильвия. – Ты же любишь машинки, верно? Ты всегда играешь с ними.

Олли с подозрением смотрел на мужчин, зная, какие планы они на самом деле строят на его счет.

– И да, Лора, один из моих друзей хочет поводить тебя по магазинам, – добавила Сильвия. – Говорила же тебе, что это маленькая красотка, – обратилась она к мужчине в костюме. – Лора, встань и покажи ему свою юбочку.

– Но все магазины уже закрыты, – смиренно заметила я, оставшись сидеть. Посмотрела на Олли, который скованным движением поднялся на ноги, явно все еще чувствуя боль от предыдущей «прогулки».

– Нет, оставьте ее в покое, возьмите только меня, – произнес он.

Сильвия нахмурилась.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что поеду, только оставьте Лору в покое.

– Да какое ты право имеешь указывать мне, что делать, а что нет? – заорала Сильвия. – Я кормлю вас, одеваю, даю вам крышу над головой; а теперь она уже достаточно большая, чтобы начать платить по счетам.

– Нет! – крикнул Олли.

Я никогда прежде не видела друга в такой ярости. На глаза мне навернулись слезы; я не хотела идти с этим незнакомцем. Хотела остаться здесь, с Олли: он будет защищать меня, как и обещал, пока мы не станем достаточно взрослыми, чтобы сбежать вместе.

Неожиданно Сильвия метнулась через всю комнату – я никогда прежде не видела, чтобы она двигалась так быстро, – и протянула руку, чтобы схватить меня за плечо. Олли заступил дорогу. Это подлило масла в огонь ее ярости, и

она с силой ударила его по щеке тыльной стороной кисти, отбросив его обратно на диван.

Трое мужчин молча стояли, глядя, как Олли снова поднимается на ноги, чтобы встать между Сильвией и мной. Та, повернув голову к мужчинам, рявкнула:

– Если вы хотите его, помогите мне!

Но прежде чем они успели вмешаться, Олли размахнулся и ударил ее со всей силой, на которую были способны его неокрепшие руки. Кулак врезался в висок Сильвии, она потеряла равновесие, завалилась на бок и ударилась головой о каминную полку. Потом рухнула на пол, но прежде чем пошевелилась, Олли поднял над головой керамическую пепельницу и обрушил ей на лоб.

Мужчины выскочили из квартиры и растворились в сумерках. Мы с Олли стояли неподвижно, глядя на Сильвию, на сигаретные бычки, усеявшие ее щеки и шею. Последний вздох был коротким и быстрым, совсем не тяжелым. И я не чувствовала ни жалости, ни сожалений за то, что сыграла в этом некую роль.

Когда стало ясно, что Сильвия больше никогда не поднимется, мы бросились в свои комнаты, побросали нашу единственную чистую смену одежды в спортивные сумки – вместе с зубными щетками, мылом и полотенцем. Потом убежали. Трясаясь в ту ночь от холода и обнимая друг друга среди темной рощи Делапре-Эбби, мы чувствовали себя в большей безопасности, чем когда-либо в доме Сильвии. Но только до конца следующего дня, когда нас остановили две женщины-полицейские.

Допрошенные в полицейском участке, мы рассказали всю правду о том, как с нами обращалась приемная мать, как она издевалась над нами, но нам никто не поверил. Меня отпустили, сочтя впечатлительным ребенком, попавшим под влияние старшего мальчика. Как бы отчаянно я ни пыталась убедить их, что Олли просто защищал меня, ему пришлось испытать на себе всю суровость закона.

По требованию прокурора, которому было плевать на юного и измученного обвиняемого, Олли был признан виновным в убийстве Сильвии и отправлен в исправительное учреждение для несовершеннолетних преступников. Оттуда он по достижении совершеннолетия был переведен во взрослую тюрьму, и когда к

двадцати пяти годам вышел на свободу, его личность уже была изрядно разрушена. Тем временем я побывала в нескольких других приемных семьях и в конце концов нашла новый якорь в Тони. А якорем для Олли стало спиртное.

...Я выехала с больничной парковки и стала объезжать те места, где находила Олли в прошлом: автобусные остановки, мусорные баки за супермаркетами, центр помощи, скамейки в парках и брошенные дома, предназначенные к сносу. Мне нужно было лишь взглянуть на него и удостовериться, что с ним всё в порядке. Но он слишком хорошо спрятался.

Глава 17

Мэри обхватила морщинистыми руками кружку с ромашковым чаем и закрыла полные слез глаза.

Меня раздражало, как она хлюпает носом, пытаюсь подавить очередное рыдание. Я хотела дать ей пощечину и приказать не расклеиваться. Но вместо этого стиснула зубы и положила ладонь поверх ее рук, понадеявшись, что старческие пятна на них не заразны.

Мы сидели на диване в комнате для визитов в «Больше некуда». Это редко используемое помещение на первом этаже предназначалось для посетителей, которые предпочитали разговаривать с волонтерами лицом к лицу, а не анонимно по телефону. Обстановка здесь была такой же убогой, как и жизни клиентов, приходящих делиться бедами и несчастьями. На стенах висели выцветшие репродукции акварелей, ниже располагалась белая пластиковая стойка с помятыми душевспасительными буклетами. Запертая на засов дверь закрывала проем, ведущий из нашей конторы в заброшенное офисное здание по соседству.

Едва заметный зеленый огонек на камере безопасности у нас над головами горел ровно, указывая, что наш разговор не записывается. Будь Мэри клиенткой и внушай она хоть малейшую угрозу, один из наших коллег наверху наблюдал бы за разговором и записывал его.

– Он был решительно настроен покончить с собой, – всхлипнула Мэри. – Я задавала все вопросы с открытой концовкой, какие только могла придумать, чтобы найти, кто или что может вызвать в нем интерес к жизни, но он был непреклонен.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеются в виду песни Джорджа Майкла «Kissing A Fool» и Мадонны «Into The Groove».

2

Адель Лори Блю Эдкинс (р. 1988) – популярная британская певица.

3

Хранящиеся на индивидуальных устройствах файлы веб-профиля с разного рода данными, по которым конкретного пользователя идентифицируют веб-серверы.

4

По британской шкале 10-й размер соответствует 44-му российскому.

5

Имеются в виду песня Уитни Хьюстон «How Will I Know», песня британского поп-дуэта «Юритмикс» «Who's That Girl?», песня популярной в 70-80-е гг. автора-исполнительницы Карли Саймон «Why».

Купить: https://tellnovel.com/ru/marrs_dzhon/dobraya-samarityanka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)